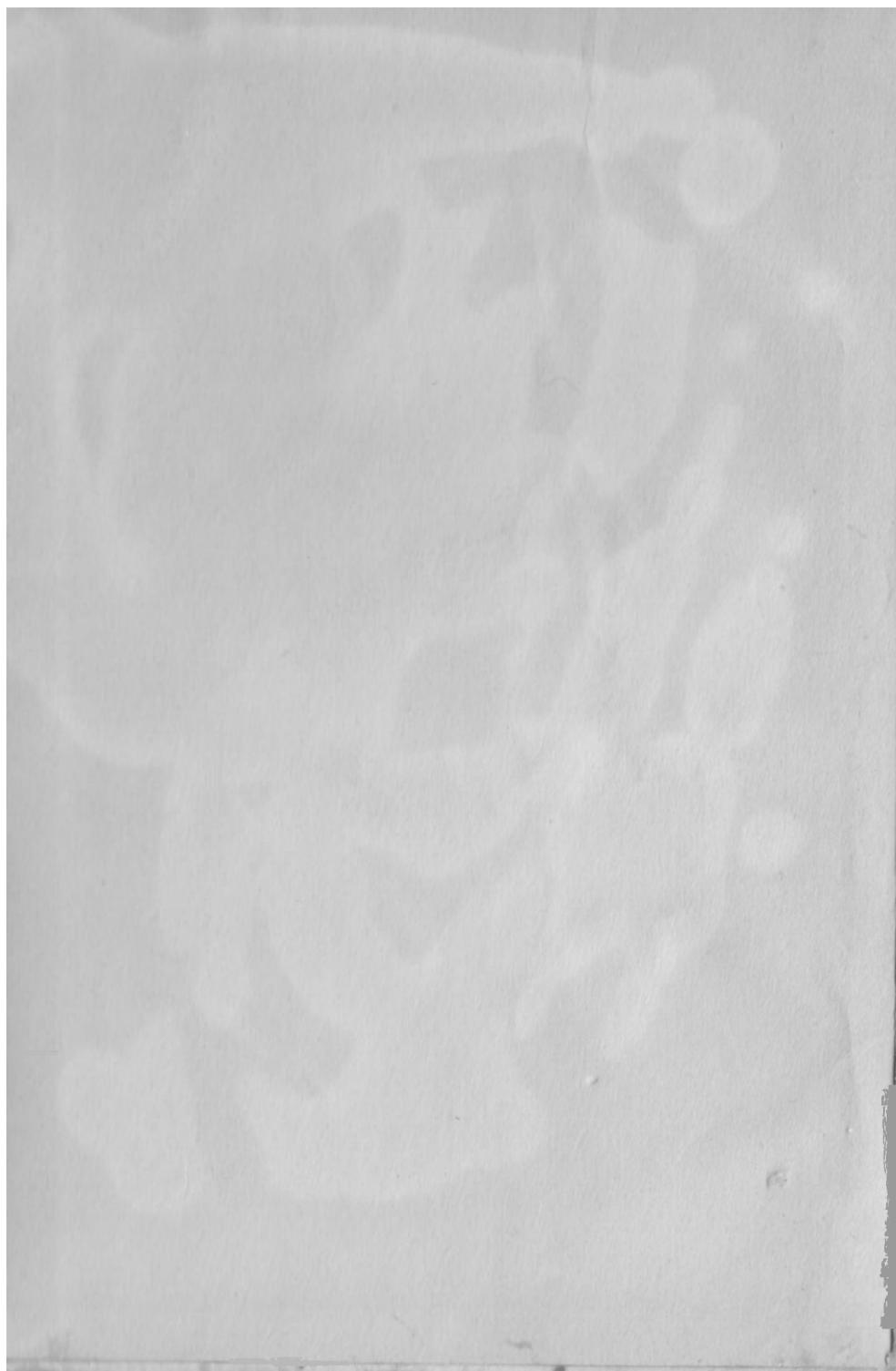

К. ИКРАМОВ

Махмуд
Канатоқодеу

Д

* Школьная библиотека *

К. ИКРАМОВ

*

Масмуд
Канатосодец

ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ В. СЕЛИВЕРСТОВА

*

Издательство
«Детская литература»
Москва
1966

Герой этой книги — веселый остро слов, чудесный поэт и замечательный мастер Махмуд — жил много веков назад.

Но и сейчас помнит народ его задорные стихи. А рассказы о том, как простой ремесленник выходил победителем в борьбе с придворными и муллами, до сих пор передаются из уст в уста.

Писатель Камил Икрамов записал эти рассказы для вас, ребята. Мы надеемся, что вы полюбите Махмуда так же крепко, как и его братьев по духу: Тиля Уленшпигеля, Ходжу Насреддина и Қола Брюньона.

ПОЕДЕМ В ХИВУ

Перо подвластно слову...

Абдурахман Джами

Если вы когда-нибудь вздумаете побывать в Хиве, не отказывайтесь от своего желания. Правда, сделать это не просто. Так уж получилось, что город, которому ученые насчитывают полторы тысячи лет, оказался в стороне от главных шоссе и дорог и основных железнодорожных магистралей. Без пересадки не доедешь. Удобней всего до Ташкента ехать поездом, а оттуда самолетом.

Когда-то в старину о Хиве сложилась пословица: «Кто туда пешком пойдет, тот ноги сожжет, а кто по небу полетит — крылья сожжет».

Насчет пешего хождения это и сейчас верно. Хива находится в Хорезмской области, что лежит между двух великих пустынь: Кызыл-Кумов — на востоке и Кара-Кумов — на юге и юго-западе. А самолеты туда летают очень даже просто. Сели, например, вы в Ташкенте, познакомились с соседом, поговорили о том, что в Хорезме дыни хороши, взяли в руки журнал «Крокодил»; только хотели почитать, а стюардесса уже объявляет: «Идем на посадку. Прошу пристегнуть ремни».

Хорезм. Интересная это земля. Много она видела. Тысячелетия назад здесь уже жили люди, строили города, сажали сады, писали книги, пели песни. Но прошлое известно лишь тому, кто хорошо знает историю, а на первый взгляд Хорезм — обычная сельскохозяйственная область. Над полями несется гул тракторов, у каналов трудятся огромные экскаваторы, по шоссе мчатся грузовики с кипами хлопка и разноцветные «Москвичи», «Волги», «Победы». Даже кишлачные собаки не кидаются за автомобилями и мотоциклами, а лают только на мотороллеры. Но мотороллеров становится так много, что собаки начали привыкать.

В каждом древнем городе есть дома, улицы и целые районы, сохранившиеся с прежних времен. Есть такие места в Москве, в Новгороде, в Ярославле и Суздале. Есть они в Таллине и Риге, в Самарканде и Бухаре, есть в Грузии и Армении. Есть они и в Хиве. Каждый дом и каждый клочок земли имеют свою историю, и всегда найдутся люди, которые могут эту историю рассказать. Нужно только спросить, а потом внимательно слушать.

Эту вот историю, о которой пойдет речь в книжке, я слышал от очень старого человека. Седой и сгорбленный, с большой лохматой шапкой на голове и по-

сохом в руках, водил он меня по древней Хиве и показывал:

— Вот это дворец, где жили дед и прадед последнего хана... А вот это минарет, откуда в былые времена муэдзин созывал верующих на молитву во славу аллаха. С этого же минарета на острые камни площади палачи сбрасывали тех, кто чем-нибудь не угодил повелителю... Вот здесь, в глубоких подвалах, закованные в тяжелые цепи, томились узники хана.

Сверкают разноцветными — синими, красными и зелеными — изразцами пояски на высоченных минаретах, глухо шаркают подошвы по древним камням, и почти так же глухо звучит старческий голос:

— Вот здесь был гарем, где жили сорок жен хана... Здесь в старину чеканились монеты... Вот, видишь,— старик поднимает посох,— это сторожевая башня, это остатки крепостной стены. А через ворота, что за тем вот красивым дворцом видны, в былые времена караваны верблюдов ходили. Далеко ходили. В Персию. В Хорасан. В Индию...

Мы бродим по Хиве, по городу, где почти каждое здание — музейная редкость, и вдруг старик показывает рукой на мавзолей с высоким куполом, с резными дверями и выложенным цветными изразцами входом.

— Это гробница богатыря Махмуда-Пахлавана,— говорит старик.— Строил ее мастер Абдулла, по прозвищу Джинн. Только он один мог сделать эти вот замечательные изразцы. Таких больше нигде нет: ни в Багдаде, ни в Тегеране, ни в Бухаре.

Немало в Хиве гробниц. Мы проходили мимо них не задерживаясь. А здесь старик почему-то остановился. Залюбовался замечательным творением хивинских зодчих и поклонился, приложив руки к сердцу.

— Святой был человек Махмуд-Пахлаван. Не какой-нибудь мулла или жулик, как другие святые, а действительно святой. Простой был человек. Шубы шил хорошо, стихи писал и богатырь был. В Индию и Персию ездил, и ни один борец не победил его. Молодые теперь говорят слово «чемпион». Он настоящий был чемпион... Святой был человек,— продолжал старик.— В бога не верил — в человека верил. Махмуд-Пахлаван — отец богатырей.

— Расскажите, ата! — попросил я.

— Я расскажу, если ты слушать умеешь. Но ты и других обязательно порасспроси. О нем не только в Хорезме знают, но и в Туркмении, в Кара-Калпакии и вовсе далеко отсюда. Внимательно слушай. Не пропускай слова. Они дорого стоят. Семьсот лет народ их хранит.

Я выслушал многих стариков, я старался не пропустить ни слова, все важное запомнил, неважное забыл и теперь перескажу вам эту историю своими словами.

Я постараюсь быть точным в своем рассказе, но нельзя забывать слова знаменитого таджикского поэта Нурэддина Абдуррахмана ибн Ахмед Джами:

Перо подвластно слову, но оно
Есть тоже слово, словом рождено.

ДОРОГАЯ КНИГА

Только разум нас возвысил: без его даров
Были б лучше человека худшие из львов.

Аль-Мутанабби ¹

...Идет на убыль тринадцатый век, тяжелый век в истории народов Средней Азии. Словно черный смерч, пронеслись над древней землей Хорезма орды Чингис-хана, но из праха и пепла встали города, зазеленели поля, и снова шумит базар в Хиве.

Шумит хивинский базар. Съехались сюда степные скотоводы, рыбаки с Аму-Дарьи и даже с Аральского моря, приехали ремесленники из городов Кята, Хозараспа и Ургенча, собрались купцы со всего Хорезма.

¹ Аль-Мутанабби — арабский поэт, живший тысячу лет назад.

Скоро вечер; нужно успеть продать то, что за неделю добыл, а то до следующей пятницы — базарного дня — долгая неделя. Купцы торопятся продать: как бы цены не упали. Бедняки торопятся: не продашь сегодня плоды своих трудов — завтра семье есть нечего.

Рядами сидят на земле торговцы овощами и фруктами; отгоняют тощих ос от персиков и винограда, подбрасывают на жестких ладонях звонкие арбузы и нежно поглаживают шероховатую поверхность длинных дынь.

Продавцы пряностей сидят неподвижно. Это всё больше старые, почтенные люди. Их товар дорог и на любителя. Красный перец изогнул скорченные, блестящие, будто лакированные, пальцы; черный молотый перец лежит в маленьких мешочках. Душистые травы лежат рядом с чесноком, а чеснок — рядом со свежими розами с каплями влаги на нетронутых лепестках. Зачем продавцу перца розы? Неужели не знаете? А затем, что только тот, кто ценит аромат розы, понимает толк в перце.

В соседнем ряду торгуют шорники. Они так стараются продать свои седла и уздечки, так высоко поднимают свой товар над толпой, что, того гляди, окажешься оседланным и взнузданным.

— Халаты, халаты! — кричат портные.

— Сапоги и башмаки! — умоляют покупателей в сапожном ряду.

— Платки и жилетки, шелком шитые, золотом расшитые!

Тут же рядом продаются серебряные кольца и колечки, браслеты и браслетики, серьги и сережки.

Медные кувшины, кумганы, подносы чеканные сияют на солнце, глаза слепят, сами в руки просятся.

Продавцы лепешек не сидят на месте. Они ходят

в густой базарной сутолоке, несут свой товар на голове и уговаривают покупателей тихо и вкрадчиво.

— Купите, почтенный. Очень вкусные, очень свежие. Сам наместник хвалил,— шепчет один.

А другой лепешечник, откровеннее характером, говорит прямо:

— Купите, добрый человек, хорошая была мука, ловкая пекла рука. Сам бы ел, да дети голодные. Купите, добрый человек.

Каждый торгует тем, что имеет. Богатый — награбленным, бедняк — заработанным, вор — украденным, а нищие калеки — своим уродством.

— Подайте калеке, слепому, безногому! Подайте — и заслужите милость аллаха всемогущего!

Ходят по базару стражники. Смело ходят. Лепешку возьмут — спасибо не скажут. Подойдут к продавцу плова, подхватят на лепешку прозрачного, набухшего жиром риса, мясо грязными пальцами выберут и дальше пойдут. Никто стражнику не возразит, никто заплатить не заставит. Власть!..

Ходят по базару толстые муллы и жиреющие ученики медресе¹. Простачков ищут. Нажрут, благословят хозяина и дальше пойдут. Святые!..

Когда солнце перевалило за полдень и шум на базаре стал затихать, из ворот дворца, где жил главный шейх Хивы Сеид-Алаветдин, вышел невысокий скуластый человек с узкими, как щелки, злыми глазами. Это был мулла Мухтар, главный доносчик наместника. Он пошел по базару неторопливо, с чувством собственного достоинства. Он не подходил к продавцам за пловом и лепешками, не старался разжиться на дармовщинку, на мелочь не кидался. Мусульмане расступались перед ним с почтительными

---

¹ Медресе — духовная школа.

поклонами. Мулла Мухтар шел к скорняжному ряду. Скорняки расстилали перед ним шубы бараньи и шубы лисьи, тулупы длинные, шелком крытые, тулупы нагольные, темные, крутили на пальце, словно фокусники, шапки из северных мехов.

Нет, не шубы и не шапки ищет мулла Мухтар — высматривает кого-то. Прошел весь ряд, назад вернулся, к старшине скорняков подошел. Склонился перед ним седой старшина Насыр-ата, ждет вопроса.

— Скажи-ка,— небрежно бросил мулла,— а где Махмуд? Шубу хотел у него купить, да не вижу вашего хваленого мастера.

Старшина — человек опытный, его не проведешь такими вопросами. Что это мулле летом шуба понадобилась? Это бедняки стараются летом зимний товар купить. Не ко времени всегда дешевле.

— Распродался Махмуд. Еще утром все сбыл. Тень короткой не стала, а он ушел.

— А много ли продал? — спросил мулла.

— Да как сказать... У него товару всегда много, только ведь он по дешевке отдает. Молодой он, силы много и уменья. Щедрый. Пастухам приезжим в долг дает. Они с ним потом свежими шкурами расплачиваются. Дома небось уже.

Побоялся мулла, что старшина угадал его мысли, решил запутать следы.

— Мне бы шубу надо хорошую, вот и спрашиваю,— сказал мулла Мухтар и, посмотрев внимательно вокруг, ушел.

Не успел мулла скрыться в толпе, как старшина щелкнул пальцами и позвал:

— Юсуп!

Из тени камышового навеса выскочил мальчишка лет десяти.

— Найди Махмуда,— приказал старшина,— ска-

жи, что его тут мулла Мухтар высматривал. Пусть побережется. Верно, донес кто-нибудь на него.

Мальчишка кинулся было бежать, но старшина окликнул его:

— Куда бежишь, пустая голова! Он не дома. Он в это время у книжников бывает. В ветошный ряд беги.

Так уж повелось в Хиве, что скудная торговля рукописными книгами шла в ветошном ряду, там, где торговали всякой всячиной: поношенными вещами, разбитыми котлами, ржавыми сковородками, ножами без черенков, черенками без ножей, сломанными гребешками и прочей рухлядью.

Махмуд сидел на корточках возле груды книг, которые продавал безграмотный оборванец. Он ничего не понимал в своем товаре, а следил за выражением глаз покупателя. Если тому книга нравилась, он начинал расхваливать ее, цокал языком, щелкал пальцами, закатывал глаза и просил аллаха в свидетели, что книге этой вообще и цены-то нет.

Махмуд с безразличным лицом листал захватанные страницы старинных книг. Он не притворялся, хотя давно разгадал хитрость торговца книгами. Махмуд вообще не умел притворяться. А сейчас он не видел ничего интересного. Все это были разрозненные листы всевозможных религиозных книг, большей частью корана. Махмуд уже пересмотрел почти всю бумажную груды, и продавец, внимательно за ним следивший, приуныл. И вдруг — это было неожиданностью для обоих — Махмуд увидел пожелтевшую от времени страницу с изображенным на ней шаром. Вокруг шара были надписи и какие-то орбиты. Надписей было много, но одна из них сразу бросилась в глаза: «Бируни». Да, это была книга великого хорезмийца Абу-Рейхана аль-Бируни.

Махмуд сел прямо в пыль и принялся листать

страницы. Многие из них истлели, края были оборваны, буквы расплылись, книге наверняка уже лет двести, но Махмуд понял сразу — это было то, что он давно искал.

— Хорошая книга,— неуверенно забормотал продавец, еще не веря, что ему удастся сбыть случайно доставшийся товар.— Замечательная книга,— сказал он громче, видя, что глаза Махмуда горят.— Мне она за большие деньги досталась.

— Угу,— промычал Махмуд, не имея сил прервать чтение.

Оборванец испугался, что Махмуд сразу прочитает всю книгу, а потом не купит. Он положил на книгу свои давно не мытые руки:

— Нет, любезнейший, ты не читай! Хочешь читать—купи.—И он запросил такую цену, что Махмуд от изумления крикнул.

Оборванец, видно, решил сразу разбогатеть. Он запросил пятьсот золотых — столько, сколько Махмуд не зарабатывал за целый год. Но и покупатель был не новичок в базарных порядках. Начался ожесточенный торг.

Юсуп давно уже пытался привлечь к себе внимание молодого шубника. Он дергал Махмуда за рукав, но тот ничего не замечал.

— Тридцать,— говорил он оборванцу.

— Четыреста! — восклицал тот.— Сам за триста купил.

— Подумай, — объяснял Махмуд. — Могу дать пятьдесят золотых. Это целый верблюд и пять баранов.

— Не могу. Себе дороже.

— Семьдесят, и ни гроша больше,— уверенно говорил Махмуд.

— Триста пятьдесят,— уступал оборванец.

Мальчишка из скорняжного ряда перестал дергать Махмуда за рукав. Он стоял в стороне и, открыв от удивления рот, слушал непонятный торг. Юсуп, в отличие от большинства хивинских ребят, умел читать и знал, что такое книга, но чтобы за книгу давать цену верблюда и пяти баранов?..

А цена росла. Когда покупатель назвал стоимость кровного жеребца и продавец не согласился, Махмуд тяжело вздохнул и, укоризненно глянув на оборванца, пошел прочь.

Юсуп хотел побежать следом, но оборванец, сообразив, что покупатель не вернется, закричал истошно и отчаянно:

— Ладно, грабь! Отдаю за полтора ста.

Махмуд вернулся, взял книгу, высыпал из кошелька все деньги в подставленные пригоршни, написал расписку на остальные и пошел домой.

Юсуп побежал за ним. Догнав шубника, он передал, что было велено, и, не поспевая за широким шагом Махмуда, продолжал семенить рядом.

— Дядя Махмуд, можно вас спросить, зачем вам такая дорогая книга? Я видел куда красивее, в коже и золоте, — за сорок отдавали, а вы за эти рваные листки заплатили сто пятьдесят.

— А ты читать умеешь? — спросил Махмуд.

— Могу немного.

— Эту книгу написал великий ученый Хорезма Абу-Рейхан аль-Бируни. Вот приходи ко мне, дам почитать.

— Некогда, — сказал Юсуп, запыхавшись от быстрой ходьбы. — Я торговать учусь.

— Нашел чему учиться! Ты бы лучше научился шубу шить. Мне ученик нужен. У меня и книг много.

— Это как же?.. — спросил мальчик, переходя на бег. — А работать когда?

— Одно другому не мешает,— добродушно ответил Махмуд и зашагал быстрее.— Прощай. Время будет, заходи.

«Интересно,— думал Юсуп, возвращаясь на базар,— зачем шубнику книги? Странный этот Махмуд. Среди шубников он лучшим считается, за силу его Пахлаваном зовут. Когда ремесленники между собой борьбу устраивают, Махмуд всегда победителем выходит, живет тоже неплохо,— на что ему эти книги сдались? Странно. Очень много странного на свете».

* * *

Дом у Махмуда небольшой. Двор чисто выметен. Под развесистым карагачем — супа¹, на которой летом можно и обедать, и чай пить, и работать удобно в тени на ветерке. Рядом с супой лежит огромный мельничный жернов. Он всегда лежит на одном месте. Однажды во время праздника, когда Махмуду было пятнадцать лет, к ним съехались гости; один из гостей споткнулся о жернов и ушиб ногу. В ярости кинулся он на каменную глыбу и хотел перетащить ее подальше, в угол двора. Гость попался не очень сильный и поднять жернов не смог, тогда он попытался поставить его на ребро и покатить. Не тут-то было! Попросил другого гостя. Вдвоем они кое-как подняли жернов и стали его катить к сараю, но не докатили и на полдороге бросили.

Махмуд в это время помогал матери по хозяйству, а когда вышел во двор, увидел жернов не на месте. Взял он его левой рукой за железную скобу, постоял в раздумье, куда бы деть, и отбросил в сторону шагов на двадцать.

Увидела это мать и огорчилась: «Бедный мой сы-

---

¹ Супа — прямоугольное глиняное возвышение, которое устраивают во дворе.

ночек! Что это ты? Уж не заболел ли? Вчера за сорок шагов этот жернов кидал, а сегодня и за тридцать не забросил».

В тот вечер, когда Махмуд принес дорогую книгу Бируни, мать была очень расстроена. Поужинал он наскоро, зажег фитилек жировой плошки и пошел в свою комнату читать. Обычно он по вечерам с жерновом занимался: подкидывал одной рукой, а другой ловил или, если ему это надоедало, натягивал во дворе канат между деревом и сараем и ходил по нему, как на праздниках канатоходцы ходят.

— Не читай, сынок,— попросила мать,— глаза испортишь. Будто завтра при дневном свете не читаешься. Что тебе эта книга? Лучше бы в мечеть зашел или даже по канату походил, а то просто бы погулял.

— Я немного, мама,— попросил Махмуд.— Ты спать ложись.

А матери не спится. Села она под дерево и задумалась: «Что за наказание такого сына иметь! Все дети как дети: растут, работают, деньги накопят, а потом женятся. А этот никуда не годится. Если бы меньше книги читал, а больше о торговле думал, давно бы разбогател. Вчера мулла Мухтар тайком у соседей о сыне выпрашивал. Зачем выпрашивал?» Сидит мать под деревом и грустит. Луна уже выкатилась. Над одним минаретом постояла, к другому перешла; в городе спят все, а у сына свет горит. Не выдержало материнское сердце, попросила еще раз:

— Ложись спать, сынок.

Махмуд вздохнул, свет загасил и стал стелить себе постель во дворе. Лег он поверх одеяла, подложил руки под голову, но не спит, в небо смотрит.

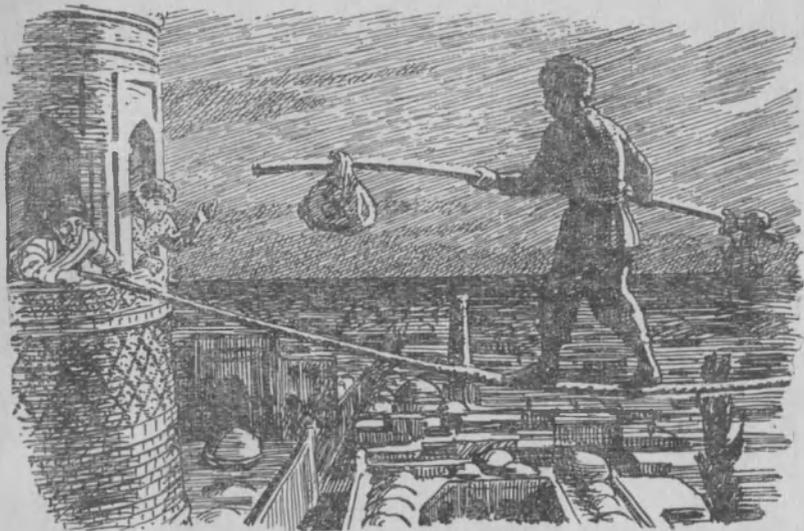
— Спи, сынок,— робко попросила мать.— Уж не от книги ли ты сон потерял?

— От книги, мама. Там написано, что все на свете не так, как коран говорит. Вот, например, все думают, что Солнце вертится вокруг Земли, а Бируни говорит, что не Солнце вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца крутится.

— Ах,— вздохнула женщина,— не все ли тебе равно, что вокруг чего вертится! Вертится, ну и пусть вертится. Тебе-то что... Спи, сынок.

— Хорошо, мама. Земля вертится, а я буду спать. И ты ложись.

1

ВРАГ ВЕРЫ

Один Телец¹ висит высоко в небесах.
Другой своим хребтом поддерживает прах.
А меж обоими тельцами — поглядите! —
Какое множество ослов пасет аллах!

Омар Хайям²

«Всякий смертный виноват перед аллахом» — так гласит мудрость священных книг. Это очень удобно служителям мечетей, разным имамам, шейхам и прочим обманщикам.

Всякий смертный виноват перед аллахом, ибо ему

¹ По мусульманской легенде, на небе аллах поставил созвездие Тельца, а Землю заставил поддерживать другого тельца.

² Омар Хайям — знаменитый персидский поэт, умерший в 1123 году (год рождения неизвестен).

он обязан жизнью и хлебом, воздухом и солнцем. Всякий смертный виновен. А в чем виновен, нетрудно придумать.

Один виноват, что мало молится,— плати за искупление грехов. Другой виноват, что мало мулле платит налога,— опять штраф. Третий провинился перед властью, богом поставленной,— тоже откупаться надо.

Аллах для того и придуман, чтобы богатый мог получше обирать бедного.

Очень просто получается.

Живет человек, трудится, а муллы его грехи считают. Человек и не подозревает, что на его счету грехи, но приходит день, и зовут его на суд...

Всякий человек виноват перед аллахом, а Махмуд и вправду был виноват, хотя этого не знал: «Как же можно быть виноватым перед тем, кого нет?»

Между тем над головой Махмуда собирались тучи. Еще год назад главный шейх Хивы Сеид-Алаветдин приказал доносчикам строго и неустанно следить за молодым скорняком и передавать мулле Мухтару все, что говорит веселый остро слов, сообщать, ходит ли он в мечеть, платит ли он налоги, не богохульствует ли.

Все это произошло потому, что на молодого шубника пало страшное подозрение. Это он помешал свершиться «чуду», которое замыслили муллы.

Шейх Сеид-Алаветдин заключил в минарет двух безбожников, отказавшихся платить налог на мечеть. Народу было объявлено так:

— Безбожники не верят, что только аллах дает людям пищу. Пусть они посидят двадцать дней в башне и убедятся, что никто, кроме аллаха, им помочь не может. А аллах им не захочет помочь, — убежденно говорили муллы.

Двадцать дней сидели безбожники в башне, а когда пришли к ним стражники, то увидели, что узники живы, здоровы и веселы. Есть у них и лепешки, и плов, и сыр, и вода в кувшине.

Никто не мог попасть в минарет, потому что охраняли его днем и ночью. Кто же принес туда пищу и воду?

— Чудо! Свершилось чудо! — закричали стражники.

— Да, — удивился шейх Сеид-Алаветдин. — Наверное, им помог аллах... Вам аллах помог? — недоверчиво спросил он.

— Нет, — ответили узники. — Нам помог человек.

Как ни бились муллы, как ни усердствовали палачи, пытая несчастных людей, они не добавили больше ни слова.

— Нам помог человек! — твердили они. — Нам помог человек!

Лучшие сыщики искали следы подкопа, стражников допрашивал сам мулла Мухтар, но выяснить, кто этот человек, никак не удавалось. Узников тайком вывезли за город и под страхом смерти взяли с них обет совершить паломничество к святым местам и никогда не возвращаться в Хиву. Однако, когда мулла Мухтар еще раз осматривал минарет, то нашел там толстую шерстяную веревку, точно такую, по какой ходят базарные канатоходцы. Вербка была длинная, она доставала от минарета до тополя, что рос по другую сторону улицы.

Тогда-то и пало подозрение на Махмуда. Никто из хивинцев, кроме него, не умел ходить по канату. Однако подозрение — не доказательство. Шейх и муллы решили никому об этом не говорить, но на молодого Пахлавана затаили злость.

Не зря мулла Мухтар высматривал Махмуда на

базаре, не зря интересовался, как идет его торговля, каковы доходы. Лучше, чем кто-либо другой, Мухтар знал: готовится суд, на котором Махмуда объявят врагом веры. Нет ничего страшнее такого приговора. Это лучший способ избавиться от любого неугодного человека. Никто не решится выступить в защиту хулителя веры, и нет ничего страшнее такого приговора. Враг веры — обреченный человек. Его будут сторониться люди, ему никто не продаст еды, не дадут воды для полива. На улице такому человеку не пройти, на базаре не появиться. Но главное — и это особенно интересовало муллу Мухтара, — на человека, объявленного врагом веры, наложат огромный выкуп. Обычно выкуп назначался такой, что в его уплату уходили все вещи и деньги, а часто дом и земля.

Бывали случаи, когда и семья грешника продавалась в рабство. Мулла Мухтар очень любил такие приговоры. Он давно зарился на дом Махмуда, на его сад и надеялся все это заграбастать. Он выяснил все, что ему было нужно, и доложил главному шейху Сеиду-Алаветдину:

— Махмуд дешево продает свой товар, денег не копит, долговых расписок не берет. Мы объявим его врагом веры, наложим большой выкуп за грехи, заберем его товар, отнимем дом, а старуху мать продадим в служанки. О случае с канатом лучше не упоминать. У него грехов и так хватает.

И Махмуда вызвали на суд.

В этот день на площади бил барабан, проповедники в мечетях говорили слова о каком-то грешнике, осквернившем религию, глашатаи с минаретов призывали хивинцев присутствовать на суде божьей справедливости. Но никто не знал, кого будут судить.

Мать Махмуда с утра усердно молилась. Она верила мулле и в молитвах проклинала грешника.

Ровно в полдень в мастерскую Махмуда ввалились два стражника.

— Собирайся на суд,— сказал один.

Мать не поняла, в чем дело, засуетилась.

— Мы придем, почтенные,— сказала старушка.— Но почему вы нас отдельно зовете? Разве мы не слышали сегодня призывов? Разве без нас нельзя начинать?

— Суд без преступника не начнется,— добавил второй.— Ты, старуха, можешь не ходить, а сына твоего мы обязаны доставить.

— Это ошибка,— сама себя успокоила мать.— Сегодня будут судить какого-то грешника, а мой сын ни в чем не виноват.

— Нет. Мы обязаны доставить на суд твоего сына-шубника, по имени Махмуд, по прозвищу Пахлаван,— возразили стражники.

Махмуд в это время втачивал рукав овчинного тулупа.

— Вот что,— сказал он стражникам.— Вы мне не мешайте, а мать мою не страшайте. Второй рукав пришью и пойду, если надо. Очень хороший тулуп получается. Вы своими глупыми речами можете работу испортить... А ты, мама, не волнуйся. Ты же знаешь, что я не грешник.

Стражники возмутились, стали еще громче кричать, пытались Махмуда силой увести. Махмуд отложил шитье в сторону, взял стражников за воротники халатов: первого — правой рукой, второго — левой, затолкал их в чулан, запер дверь и посоветовал:

— Сидите смиренно, не шумите. На ваши крики могут соседи сбежаться, увидят, что вы в чулане сидите, подумают, что воры. Могут отлупить. Я сейчас рукав втачаю — вместе пойдем. Я быстро.

На площади перед мечетью стояла густая толпа.

На высоком помосте, покрытом коврами и украшенном зелеными флагами, восседал главный шейх Хорезма Сеид-Алаветдин. Он редко показывался людям, и сейчас хивинцы с любопытством рассматривали этого хилого человечка с рябым лицом, редкой, в три волосинки, бородкой и усами, растущими не как у всех, над верхней губой, а только по краям рта.

Рядом с шейхом расположились мулла Мухтар, начальник стражи и богатые купцы.

На площади уже знали, что судить будут Махмуда, и удивлялись. Умные помалкивали, а глупые высказывали всевозможные догадки.

— Говорят, он украл ишака,— убеждал торговец скотом.

— Не выдумывайте,— презрительно заметил чайханщик.— Он убил и ограбил богатого путешественника.

— Ничего вы все не знаете,— спорила торговка медными серьгами и браслетами.— Он поедает маленьких детей. Неужели вы думаете, что из-за какого-то ишака будут собирать всю Хиву и сам главный шейх покажет свое лицо?

А Махмуд в сопровождении стражников уже пробирался сквозь толпу к помосту. Он весело переговаривался с ремесленниками, и те, кто волновался за него, увидев его спокойным и беззаботным, тоже успокаивались.

— Пропустите нас, пропустите нас, пожалуйста,— просил Махмуд с улыбкой.— Пропустите. Мне кажется, без нас они никак не смогут начать.

До помоста было совсем недалеко, когда Махмуд окликнул староста скорняжного ряда, седой Насыр-ата.

— Махмуд,— сказал ему умудренный нележкой

жизнью старик,— будь осторожен. Тебя задумали погубить. Я не знаю, в чем тебя обвиняют, но сегодня все муллы бормочут про вероотступника и хулителя религии. Берегись.

Старик оказался прав. Начало суда не предвещало ничего хорошего. Мулла Мухтар зачитал длинный список преступлений, которые совершил Махмуд. Чем дальше он читал, тем больше недоумевали «самые догадливые» и тем больше хмурились многочисленные друзья Махмуда.

Не много можно было понять из речи и самого шейха. Сеид-Алаветдин говорил медленно и важно, как индюк. Смысла в его словах не было, но значительность чувствовалась. Наконец после общих слов о грехах и прегрешениях шейх перешел к допросу.

— Ты оскорбил моего брата, святого лекаря. Ты обозвал его мясником. Признаешься ли в этом?

— Нет,— ответил Махмуд,— я этого не говорил и сказать не мог. Между мясником и вашим братом, лекарем, большая разница.

— Не лги, нечестивец! — пригрозил шейх.— Нам донесли, что именно так ты обозвал моего брата.

— У вас очень глупые доносчики,— сказал Махмуд.— Я говорил именно о разнице, а не о сходстве. Ведь мясник сначала убивает жертву, а потом сдирает шкуру, а ваш брат делает наоборот. Он сначала шкуру сдерет, а потом уж уморит... Посудите сами,— обратился Махмуд к народу,— разве правильно донесли на меня?

— Неправильно! — смеясь, закричали ремесленники и земледельцы, но стражники с дубинками кинулись в толпу, и смех быстро утих.

— Ты отказался шить шубу, когда я прислал к тебе своего слугу.

— Нет,— возразил Махмуд,— я не отказывался.

Я только сказал, что у меня на очереди сорок шуб, а ваша будет сорок первая. Я сказал, чтобы ваш слуга поставил на стене, где записываются заказчики, свое имя и зашел бы через месяц справиться. Но ваш посланный пригрозил, что, если я не сошью шубу, вы попросите аллаха и тот обрушит стены моего дома, обратит в пепел мои шкуры, сломает мои иглы и спутает мои нитки. Я и тогда, после этих невежливых слов, не отказал вашему посланному. Я только спросил: если у вас, о мудрый шейх, такие хорошие отношения с аллахом и если тот в самом деле готов так много сделать для вас, то почему бы вам не попросить, чтобы аллах сшил вам шубу? — Махмуд говорил все это серьезно и смиренно. С таким же точно видом он обернулся к толпе и спросил: — Разве я не мог задать такого вопроса?

— Мог! Конечно, мог! — закричали ремесленники, и в толпе опять заработали дубинки стражников.

Постепенно тучи над Махмудом все сгущались и сгущались. Затихла толпа, удивляясь непонятной смелости Махмуда. Все знали, что он остер на язык, но оказывалось, что его с виду безобидные издевки задевают самых сильных и богатых людей. Надо сказать, что и сам Махмуд удивлялся тому, сколько он нажил себе врагов.

Друзья Махмуда, люди бедные и власти не имеющие, беспокоились о нем, досадовали, что их любимый Пахлаван так легко признается в своих словах: «Ведь слово, когда оно ходит из уст в уста, не имеет хозяина. Почему же Махмуд сознается?»

Они не знали того, что было известно Махмуду.

Слово — самая большая сила на свете, а отказываться от своей силы веселый шубник не хотел. И правильно делал.

— ...Ты не веришь в то, что на том свете по доро-

ге в рай есть мост Сират. Не веришь в то, что мост этот тоньше женского волоса и острее лезвия дамасского меча,— продолжал свою речь шейх Сеид-Алаветдин.— Это видно из того, что ты сам не приносишь достойных жертв аллаху и других отговариваешь.

— Может быть, я верю,— с улыбкой ответил Махмуд.— Но вы же сами говорили, что возле этого слабого моста верующих будут ждать принесенные ими жертвы. Кто подарил мулле барана, того будет ждать баран; кто пожертвовал быка, будет ждать бык. На этих животных верующий и поедет по тонкому мосту. Вот я и подумал: если мост действительно таков, как вы говорите, то чем меньше будет груз, тем лучше по нему переходить.

Большинство верующих в Хиве приносили жертвы, чтобы на том свете переехать через мост Сират, и никто не задумался над смыслом этих приношений. Послушали люди Махмуда и удивились: правильно получается.

Хоть и много было стражников в толпе, хоть и напуганы были жители Хивы жестокой властью шейха Сеида-Алаветдина, но по глухому одобрительному гулу судьи поняли: мало у них доказательств для обвинения Махмуда врагом веры.

Тогда поднялся с места мулла Мухтар. Он не очень-то верил в силу своих слов и попросил начальника стражи окружить толпу всадниками с саблями наголо.

— Всем известно,— закатив глаза к небу, возопил Мухтар,— всем правоверным мусульманам известно, что шейх — это тень аллаха, что наш шейх, когда был простым муллой, совершил паломничество в Мекку и поклонился храму Кааба! Известно ли это людям? — спросил мулла, подражая обращению Махмуда.

— Известно! — закричали в толпе.

— Ну вот, — торжествующе провозгласил Мухтар. — А этот нечестивец Махмуд распускает слухи, будто шейх до посещения Мекки был змеей, а после возвращения стал драконом. Признаешь ли ты теперь свой неискупимый грех?

— Нет, — ответил Махмуд. — Во-первых, я не распускал слухов. Я написал рубаи. Рубаи — стихи, а стихи — не слухи. Во-вторых, — продолжал Махмуд, — в стихах нужно понимать смысл. Если бы стихи касались одного человека, их не стоило бы писать. Я тоже писал не про одного шейха, а вообще. В-третьих, — сказал Махмуд, — в этих стихах нет имени шейха. Вот они:

Пуускай не говорят, что в Мекку путь святой.
Мулла драконом стал, а раньше был змеей.
Уж если ты пошел аллаху помолиться,
Старайся не вставать поблизости с муллою.

Хорошие стихи? — спросил Пахлаван, обращаясь к народу.

Стихи понравились хивинцам, но никто не посмел сказать об этом вслух. Слишком явно говорилось в них о шейхе. Слишком много было стражников вокруг.

Во время суда на площади не было никого, кто видел и слышал все происходящее лучше, чем мальчик из скорняжного ряда — сирота Юсуп. Он забрался под помост и смотрел на Пахлавана в щель между двумя свисающими коврами. Сначала Юсуп, как и многие, не понимал, почему Махмуд на все вопросы отвечает словом «нет», а затем рассказывает подробно, как было на самом деле. И наверное, Юсуп был первым, кто понял, что Махмуд хитрит. Догадаться об этом Юсупу было легче. Он видел лукавую усмешку

— Хорошие стихи? — спросил Пахлаван, обращаясь к народу.

храброго шубника и слышал, как после его объяснений раздраженно крикают почтенные судьи на помосте. Один раз, когда ремесленники в толпе засмеялись особенно весело, Юсупу показалось, будто Махмуд даже подмигнул ему. Впрочем, Юсуп готов поклясться, что это ему не показалось, а действительно так и было.

Постепенно суд подходил к концу. Видя, что народ не изменил своего отношения к шубнику, шейх приказал скорее кончать. Махмуда приговорили к штрафу в десять тысяч золотых, пожизненному изгнанию и объявили врагом веры.

* * *

Горевали простые хивинские труженики, жалели Махмуда, но не знали, как помочь ему.

Семь дней срока положили судьи для уплаты штрафа. Если не рассчитается Махмуд, то вместе с матерью будет продан в рабство, а если соберет деньги, то будет только изгнан из родной Хивы.

Впервые за двадцать лет жизни Махмуд почувствовал себя несчастным. Впервые за двадцать лет Махмуд не знал, как ему быть. Пойти к друзьям посоветоваться он тоже не мог. Шейх объявил: тот, кто поможет Махмуду, будет объявлен врагом веры. В тяжелых раздумьях прошел остаток дня после суда. Ночью мать не спала. Она собирала вещи, чтобы продать их на базаре, и считала:

— За шесть одеял — два золотых. За девичьи украшения — еще пять. За посуду — один золотой. За дом — сто золотых. Получается сто восемь золотых. Остается еще девять тысяч восемьсот девяносто два.

Не спала она в эту ночь. Не спал и Махмуд.

Тихо в Хиве. Ветерок пронесся над городом, дале-

ко-далеко залаяла собака и притихла. Тихо в Хиве. Но это только кажется, что город спит. Где-то неслышно отворялись двери, какие-то люди ходили в мягких ичихах по еще теплой глубокой пыли городских улочек и проулков. Чаше других в эту ночь открывалась калитка небольшого домика на окраине, где жил старшина скорняжного ряда Насыр-ата.

Старик ждал гостей. Калитку еще с вечера смазал салом, чтобы не скрипела; в комнатухе на низеньком столике был развернут достархан¹. Но никто не притронулся к чаю, к прозрачному сахару-новату, к миндалю и фисташкам.

Гости о чем-то шептались с хозяином и уходили. На женской половине дома тоже кто-то не спал. Это была золотоглазая и черноволосая Таджихон — дочь Насыра. По обычаям тех времен, ни один мужчина не мог видеть девушку. Женщины ходили в длинных одеяниях и закрывали лицо волосяной сеткой — чачваном. Сквозь чачван даже самый солнечный день кажется пасмурными сумерками, но Таджихон часто видела ясное лицо Махмуда, и тогда день казался светлее, а вечер казался днем. «Жаль,— думала дочь старого скорняка,— что Махмуд не видит моего лица. Может быть, я бы ему понравилась».

Напрасно она так думала. Таджихон нравилась Махмуду с детства, да и теперь, часто бывая в доме Насыр-ата, Махмуд, будто нечаянно, заглядывался на стройную девушку, а иногда ему удавалось сквозь щель неплотно прикрытой двери перехватить взгляд ее золотистых глаз.

«Что-то будет? Что-то будет с Махмудом?» — думала Таджихон.

— Не спишь, дочка? — Отец тронул ее за плечо. — Вот и хорошо. Пойди разбуди Юсупа. Он мне нужен.

¹ Достархан — скатерть с расставленными на ней угощениями.

* * *

Лучи утреннего солнца еще не коснулись самого высокого минарета, когда в дом Махмуда проскользнул подросток. Он передал шубнику коротенькую записку. Знакомым почерком Насыра там было написано всего несколько слов: «В пятницу выходи на базар со всеми своими вещами. Продавай их только по отдельности. Все будет хорошо».

* * *

Никогда на хивинском базаре не было такого стечения бедного люда, и все стремились в скорняжный ряд, где Махмуд распродал свое имущество. Никто из хивинцев ни до, ни после этого не видел такого необычайного торга.

- Продаю иголку,— говорил Махмуд.
- Даю двадцать золотых! — кричали в толпе.
- Даю двадцать пять!
- Я беру за сорок.

Всем было известно, что на один золотой можно купить сто иголок, но покупатели продолжали повышать цену. Они кидались на старую посуду, будто это были драгоценности, отдаваемые даром.

— Продается моток ниток,— объявлял Махмуд, и цены сразу становились невероятно высокими.

Десять ткачей торговались за этот моток с десятью пастухами. Это был последний моток ниток, и никто не хотел уступать. Тогда в спор вмешался Юсуп.

— Чего вы спорите? — сказал он.— Разделите нитки на двадцать частей и отдайте за каждую часть все, что у вас есть.

Странный совет дал базарный мальчишка. В другой раз почтенные люди прогнали бы такого советчика, а тут почему-то послушались.

За обычную нитку ткачи вываливали на прилавок

все серебро и всю медь, которую наскребли со дна сундуков. Пастухи отдавали самых жирных баранов.

Странный был в этот день базар. Никто ничего не покупал: ни лепешек, ни плова, ни перца. Купцы с заморскими товарами сидели, как сироты, и с тревогой поглядывали на толпу возле лавки Махмуда.

— Что хивинцы — сбесились?

Сыщики и доносчики рыскали по базару и выспрашивали у людей, что происходит.

Никто не говорил им правды. Кузнец, купивший половину глиняной тарелки, ответил так:

— Очень нужна мне эта посуда. Если бы было денег побольше, я бы и вторую половину купил.

Непонятный это был торг, хотя многие простые люди знали секрет. Помогать деньгами врагу веры строго запрещено, но покупать у него имущество никто запретить не может. Вот потому-то так дорого стоили старые вещи веселого шубника.

Вечером Махмуд сосчитал выручку.

В большом кожаном мешке медными, серебряными и золотыми деньгами набралось больше десяти тысяч. Штраф можно было выплатить. Можно было оставить матери на пропитание, чтобы со спокойной душой отправиться в дальнейшее изгнание.

— Вот видишь, — сказал Махмуд матери, — ты говоришь, что у меня много врагов. Но у меня еще больше друзей, потому что друзья моих друзей — мои друзья, а враги моих врагов — тоже мои друзья.

Дом Махмуда почти пуст. Все продано. Один котелок, одна тарелка, один помятый медный чайник. На супе лежат кошма и тоненькое одеяло. Это все для матери. Для нее же в небольшом кошельке деньги. Если экономить, то на год хватит.

Сидят на супе двое — мать и сын. Сын думает о матери, а она — о нем.

— Хоть и знаю, сынок, что чист ты душой, но, если шейх говорит, будто грешен, не верить не могу. Сходи ты в Мекку, поклонись святым камням, может, и получишь прощение от аллаха.

Долог путь до Мекки, но не о нем задумался Махмуд. «Как же матери без меня жить? Конечно, с голоду не умрет, добрые люди помогут, да тяжело ей будет».

— Сходи, сынок, в Мекку,— просит мать.— Поклонись святым камням.

Как матери откажешь! Всю жизнь с верой в аллаха прожила. Не разубедить ее.

— Схожу, мама,— обещает Махмуд, а сам думает, что и после возвращения из святых мест не будет ему жизни в Хиве: очень уж рассвирепели шейхи и муллы.

Вечереет. Завтра наступит седьмой день, надо будет уходить. За все эти темные дни никто, кроме Юсупа, не решился навестить шубника. И обижаться нельзя. Тяжелую кару понесет нарушитель закона. Один Юсуп не боится навещать шубника. Первый раз он зашел через дверь, как все люди ходят, а потом заметил отверстие в нижней части дувала, где арык во двор проходит, стал через арык проползать со стороны бахчей. Нужно только сторожа бояться, как бы не подумал, что Юсуп дыни и арбузы ворует. Ну да ничего, сторож стар и подслеповат. Чуть сумерки, он в шалашик камышовый заберется и оттуда покрикивает.

Так было и в этот вечер. Юсуп подождал, когда старик в шалаш уйдет, проскользнул, словно уж, между грядок, спрыгнул в арык и пошел по колено в теплой вечерней воде. Потом он пролез в глиняную трубу, вмазанную под дувалом, и, стоя прямо в воде, вежливо поздоровался.

— Здравствуйте,— сказал и приложил руку к животу, как старшие делают.

Улыбнулся Махмуд, и даже мать улыбнулась. Очень это смешно, когда человек через арык пролез, а здороваётся как ни в чем не бывало.

— Дядя Махмуд, я вам сегодня два письма принес,— с гордостью сказал мальчик и полез за пазуху.

Первое письмо содержало напутствие друзей Махмуда. Простые люди желали ему счастливого пути и скорого возвращения: «Мы не знаем, куда ты пойдешь, но знаем, что ты вернешься. Мы не знаем, что тебе готовит будущее, но уверены в твоей силе».

Внизу стояло тридцать подписей, а еще ниже приписка: «Если ты повстречаешь хорезмийцев, мастеров из Хивы, Ургенча и других городов нашей родины, тех, что Чингис-хан продал в далекие южные страны, то приведи их домой. Это будет твоим главным подвигом».

Второе письмо было совсем коротеньким. Махмуд прочитал его с особым волнением и не знал, радоваться ему или горевать.

«Пусть люди, узнав о моем поступке, смеются надо мной. Пусть меня проклянут муллы, как прокляли Вас, но я хочу сказать, что, где бы Вы ни были, я всегда буду помнить Вас и буду ждать Вашего возвращения. Мне ничего не нужно в ответ, но если Вы хотите вернуться, то оставьте мне что-нибудь на память. Таджикион».

Думая об изгнании, Махмуд все эти шесть дней не хотел признаваться себе, что не только разлука с матерью, друзьями и родными печалит его...

И теперь, когда он узнал, что дочь скорняка тоже страдает, ему стало еще тяжелее.

— Я вернусь, мама,— сказал он.— Я сильный и не боюсь будущего. Я обязательно вернусь.

— Дядя Махмуд,— спросил Юсуп,— а вы кем будете в изгнании? Шубником или борцом? А может, учителем? Я видел много ученых людей. Они все слабы, как трава осенью. Я видел много силачей-пахланов. Они совсем неграмотны. Вы такой сильный, а все время книги читаете, учитесь. Вы такой ученый, стихи писать можете, и к тому же самый лучший борец в Хиве, и по канату ходите, словно вы не шубник, а китайский канатоходец. Почему это?

Юсуп всегда задавал столько вопросов кряду, что Махмуд уже привык отвечать только на последний.

— Я был совсем-совсем маленький,— ответил Махмуд,— когда умирал мой отец. Он сказал мне тогда такие слова: «Сила без знания подобна падишаху, лишенному справедливости, а знание без силы подобно справедливому падишаху без войска. Когда же знание и сила равны между собой, дела идут по желанию».

— Дядя Махмуд,— опять спросил Юсуп,— а книги вы продали?

— Нет,— ответил Махмуд,— книги ты отнесешь Насыр-ата и попросишь, чтобы он их получше спрятал.

— А что передать Таджихон? — спросил мальчик.

— Я сам отнесу ей мое письмо. Ты не сумеешь этого сделать.

...На рассвете седьмого дня Махмуда уже не было в Хиве. Плакала старая мать, отбивая поклоны первой молитвы. На востоке за красными песками Кызыл-Кумов вставало желтое солнце, а во дворе Насыр-ата возле комнаты Таджихон лежал огромный мельничный жернов. На сером пористом камне было высечено: «В моем доме не осталось ничего, что я мог бы подарить тебе. Пусть этот камень, который никто в Хиве не сможет больше поднять, напоминает тебе о силе моей любви. Я вернусь».

БУДУ ИСКАТЬ

Из всех, кто ушел, не оставив следа,
Вернется ли кто для рассказа сюда?

Омар Хайям

Попробуйте найти в пустыне Кара-Кум горсть песчинок, рассыпанных сорок лет назад. Гоняет ветер сухие волны барханов, вольно гуляют они по бескрайним просторам, черные смерчи поднимают огромные массы песка и уносят их далеко. За моря. За горы. За тридевять земель.

Попробуйте найти в великом коловращении народов, вызванном нашествием монголов, ту тысячу лучших хорезмийских мастеров с семьями, что по приказу Чингис-хана были обращены в рабство и проданы какому-то восточному царю. Насилия диких захватчиков гоняют по странам сотни тысяч людей. С места

на место движутся целые народы. Попробуйте найти тысячу хорезмийских мастеров, угнанных сорок лет назад.

Но люди не песчинки.

И Махмуд решил: «Буду искать».

Он расспрашивал всех, кого встречал в пути, и люди удивлялись. «Зачем этому молодому парню знать то, что было сорок лет назад, зачем вообще вспоминать о таких бедах? Что было, то прошло», — думали эти люди.

— Может, их убили по дороге за непослушание, — говорили одни. — Ведь хорезмийцы — бунтовщики.

— Может быть, они погибли в пустыне во время смерча. Это часто бывает, — высказывались другие.

— Это было давно, — отмахивались третьи. — Кто знает, куда завели их пути аллаха.

Махмуд проходил по тому основному пути, что вел из Хивы на юг. Он миновал Хозарасп, Тахирию, Джегирбент и пришел в город Дарган. На весь восток славился Дарган своими виноградниками. Круглый год ездили сюда купцы за сладким черным и золотым кишмишом.

Именно здесь, в Даргане, слава Махмуда вышла за пределы Хорезма. Именно тогда Махмуд-Пахлаван получил свое второе имя, имя-титул. Его стали звать Палван-ата — отец богатырей.

Махмуд и раньше славился как борец-любитель, но это была слава среди друзей, потому что на Востоке, кроме любителей, издавна существовали борцы-профессионалы. Это, как правило, были огромные, грузные люди, самоуверенные и равнодушные, продававшие свою силу за деньги. Среди них существовали свои обычаи и свои приемы. Их схватки часто были не настоящей борьбой, а вроде бы теат-

ральным представлением, когда борцам заранее известно, кто кого победит, кто какой применит прием и как будут разделены деньги, уплаченные зрителями. Но профессиональная борьба сделала их на три головы выше борцов-любителей. Они знали больше приемов, были более выносливы и ловки.

Пять таких странствующих борцов и заехали в Дарган, где давали представление на базарной площади.

Ныне известно много способов борьбы. В старину их было не меньше. В Узбекистане популярна борьба кураш, в Азербайджане — гюлеш, в Армении — кох, в Туркмении — гореш, грузины любят борьбу чидаоба.

По-разному разные народы называют свой любимый вид борьбы, по-разному борются борцы, разные существуют правила и приемы. И все-таки если сравнить старинную борьбу с современной, то окажется, что все эти способы очень похожи на тот вид интереснейших спортивных соревнований, который теперь называется вольной борьбой.

В тот далекий день, почти семьсот лет назад, когда Махмуд оказался в Даргане, странствующие пахлаваны боролись на утоптанной площади возле караван-сарая. Огромная толпа стояла вокруг. Ловко работая плечом, Махмуд пробился вперед. Стоящие сзади напирали, и круг зрителей заметно сужался. Борьба была очень интересной. Странствующие пахлаваны применяли самые разнообразные приемы. Они боролись в высокой стойке, атаковали неожиданно и красиво.

Зрители охали и ахали. Но Махмуд был знатоком и постепенно стал улавливать то, что было скрыто от глаз непосвященных. Ему нравились приемы, особенно тот, когда борцы, сойдясь грудь с грудью, плотно

захватывают руку и туловище, а нога обвивает ногу противника изнутри.

«Если это хорошо получится,— думал Махмуд,— то противника можно легко поднять и бросить через себя».

Но борцы не торопились с бросками. Позволив удобно захватить себя, они пыхтели, кричали, ругались, возносили молитвы и... расходились с удрученным видом.

Так повторялось несколько раз, пока зрители не уставали удивляться, а в самый неожиданный момент борьба заканчивалась не очень хитрым, но красивым броском.

После схватки глашатай собирал деньги, и опять начиналась борьба. Вторая пара борцов работала на своих приемах. Махмуд узнавал в них знакомые ухватки виденных ранее заезжих пахлаванов, старинные бухарские подсечки и зацепы, но не переставал удивляться, что борцы слишком много трудятся, когда успех был бы, кажется, простым.

После второй пары сделали небольшой перерыв, и глашатай объявил:

— Теперь настала пора показать свою силу здешним борцам. Кто желает?

На круг никто не выходил.

— Кто хочет сразиться? — опять выкрикнул глашатай.— Пахлаваны дарят победителю халат.

Махмуд насторожился. Путь от Хивы до Даргана он прошел пешком. Ему хотелось выиграть хотя бы столько, чтобы заплатить за место в караване или купить себе ишака.

— А как выиграть ишака? — деловито спросил он.

В толпе засмеялись, а глашатай сказал:

— Чтобы выиграть ишака, нужно победить любого из приезжих пахлаванов.

Махмуд шагнул на середину круга. Если разобратся, то не только из-за ишака решил он бороться. Махмуду хотелось попробовать силу, а когда он решился, то подумал: «Терять мне нечего. Проиграть таким хорошим борцам не стыдно. Но уж рисковать так рисковать! Ишак хорош для ближних дорог. В пустыне нужнее верблюд».

— А что нужно, чтобы выиграть верблюда?

Тут усмехнулся и глашатай:

— Чтобы выиграть верблюда, нужно победить главного пахлавана.

Люди в толпе откровенно смеялись и подталкивали друг друга локтями.

Поражение не пугало Махмуда: он не столько думал о победе, сколько о приемах борьбы.

Его противник, наоборот, думал только о победе. Вернее, не думал, а был уверен. Это был рослый и красивый человек с умными, всегда прищуренными глазами. В короткой, ладно подстриженной бороде еле заметно пробивалась седина. Звали его Асампахлаван. Борцы сошлись. Противник применил тот самый понравившийся Махмуду захват с обвивом ноги и стал валить его навзничь.

«Как глупо,— подумал Махмуд.— Ему надо кинуть меня вверх, а он валит». Махмуд упал, но не лопатками, как ожидал противник, а боком. В одно мгновение Махмуд вновь оказался на ногах и захватил противника тем же самым приемом. Но Махмуд не стал его валить, а подкинул вверх, бросил через плечо назад и уложил на лопатки.

Когда утихли приветствия, поверженный богатырь ринулся на Махмуда:

— Давай еще раз!

— Нет,— сказал Махмуд.— Мне только верблюд был нужен.

— Не верю,— упрямо возразил пахлаван.— За верблюда так не борются. Ты решил опозорить меня. Ставлю четырех верблюдов, что ты не кинешь меня еще раз.

— Но у меня только один верблюд,— сказал Махмуд,— и я не хочу его проиграть. Ты очень искусен.

— Не надо мне твоего верблюда,— дрожа от обиды, сказал богатырь.— Я ставлю четырех, чтобы доказать свою силу.

Махмуд заколебался. Он не был азартным, как большинство борцов. Для него все это было лишь развлечением.

— Ладно,— согласился он.— Я покажу тебе один хивинский прием.

Они опять сошлись.

На этот раз схватка была еще короче. Махмуд захватил правую руку и правую ногу противника, рывком затянул его себе на плечи, продолжая тянуть за руку, протаскил вниз и кинул спиной на землю.

* * *

В тот день из города вышло в разных направлениях три каравана, и всюду, где они проходили, где продавали сладкий кишмиш, становилось известно об удивительной борьбе в Даргане.

Но ни с одним из караванов не выехал Махмуд.

Он находился в домике, где остановились странствующие борцы. Асам-пахлаван привел его сюда, чтобы расплатиться за проигрыш.

Во дворе стояли широколапые тощие верблюды. Их было пять.

— Все твой,— сказал Асам-пахлаван и отвернулся.

Другие борцы тоже старались не смотреть на верблюдов и не хотели встречаться взглядами с Махмудом.

— Все твои,— повторил Асам-пахлаван не обращившись, и Махмуд заметил, что коротко остриженный затылок сплошь серебрится.— Все твои. Забирай.

— Успеется,— почему-то сказал Махмуд.— Куда торопиться.

Вообще-то говоря, Махмуд не хотел задерживаться. Ему не терпелось ехать дальше. Но это было минуту назад, а теперь что-то изменилось.

— А у вас других верблюдов нет? — спросил он.

— Какие есть, таких даем,— резко ответил Асам-пахлаван.— Забирай и уходи.

— Нехорошо так,— возразил Махмуд.— Ведь мы даже не познакомились. Может, нам в одну сторону ехать, а вы меня гоните.

Махмуд огляделся. Там, на площади, заезжие борцы казались ему воплощением силы, ловкости и самоуверенности. Здесь он увидел другое. Это были бедные люди. Они сразу сняли свои красивые одежды и облачились в потрепанные халаты. В казане, под которым еще тлели угли, он увидел гороховый плов с редкими кусочками нежирной говядины.

— Я не возьму верблюдов,— неожиданно для себя и для окружающих сказал Махмуд.— Я не люблю возиться со скотом. Вот если вы едете в сторону Бухары или Самарканда, я попрошу вас взять меня с собой.

...Закат сначала был оранжевым, как абрикос, потом посветлел и стал нежно-золотой, словно ломоть дыни. Махмуд сидел на корточках перед скудным достарханом хозяев и рассказывал им свою историю.

Асам-пахлаван, как старший, за ужином изредка кивал и вставлял одни и те же слова:

— Мы понимаем тебя, Махмуд. Мы бедные люди, как и ты.

Потом борцы, начиная с младшего по возрасту, поведали каждый свою историю.

Все они были из разных мест. Все по разным причинам лишились родного крова и, случайно повстречавшись, сдружились и ездят вместе, показывают свое искусство людям и живут на то, что удастся собрать во время представлений.

— Поедем с нами, — предложили они Махмуду. — Ты силен и ловок. Будешь бороться с нами. Мы научим тебя, ты научишь нас. До Бухары нам с тобой по пути, а дальше видно будет.

И Махмуд стал странствующим борцом.

Он шел по тому пути, которым когда-то прогнали хорезмийцев. Десятки самых крупных городов Средней Азии с интересом встречали знаменитого Махмуда-Пахлавана.

Борцы — его случайные товарищи — теперь только начинали схватки, разжигали страсти своей красивой, но несерьезной борьбой, а поединки с местными знаменитостями всегда проводил сам Махмуд.

Постоянные упражнения с товарищами сделали его еще более сильным и гибким. Он узнал все способы борьбы, освоил самые совершенные приемы. В его атаках была такая стремительность, такое бешеное чередование выпадов, подсечек, бросков, что зрители часто не понимали, почему тот или иной борец, считавшийся непобедимым, внезапно оказывался на лопатках.

Хорошо было ездить с Махмудом его товарищам. После каждой победы прибавлялось запасов в переметных вьюках, звенели золотые в общем кожаном мешке.

Одного не понимали борцы: почему Махмуд тра-

тит деньги на книги, почему так долго беседует с местными стариками?

А Махмуд записывал все, что слышал интересного о прошлом стран и государств, записывал сказки и легенды, способы лечения болезней, делал описания городов, рек, гор, через которые лежал его путь. Но больше всего Махмуда интересовала судьба его земляков.

ЗАБЫТЫЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ

Самарканд — город двадцати трех веков. Он пережил много великих исторических событий и потрясений.

Из книги «Самарканд»

Одногорбые верблюды Асам-пахлавана не знали усталости. Их сильные длинные ноги одинаково уверенно ступали и по сыпучему песку пустынь, и по шелковистой пыли равнинных дорог, и по горам, и по обкатанной, гладкой речной гальке, которой так много на дне ущелий.

Много городов, селений и скотоводческих кочевий любовались мастерством странствующих борцов. Им давали деньги; когда не было денег, их кормили пло-

вом, поили кислым овечьим молоком — айраном, угощали фруктами, дарили косички сушеных дынь, а иногда просто благодарили.

Много дорог прошли одногорбые верблюды Асам-пахлавана, прежде чем странствующие борцы увидели Самарканд. Был вечер, когда борцы сделали привал на небольшой горе, что вздымается к северу от этого древнего и славного города.

Историки считают, что Самарканду две тысячи триста лет, ибо впервые о нем упоминается в описании походов Александра Македонского в 329 году до нашей эры. Но ведь уже в то время, когда Александр Македонский подошел к Самарканду (древние писатели называли его «Мараканда»), это был большой и красивый город, и сколько лет он существовал до того дня, никто не знает.

В Самарканде было много садов и арыков, много караван-сараев, мостов, бассейнов, дворцов и даже водопровод Арзис, подававший воду в часть города, стоящую на возвышенности. В тот вечер, когда борцы сделали привал на горе, им показалось, что город так же красив, как о нем рассказывалось в старых сказаниях и песнях. В сумерках не было видно развалин дворцов и разрушенных мостов. Было видно только, что город этот велик и весь утопает в зелени. Вдали за городом тянулись фиолетовые гряды гор, а на равнине сверкали в лучах заходящего солнца воды реки Зеравшан; запутанные рукава реки долго оставались светлыми в сгущающихся сумерках.

Борцы молча уселись на каменистом склоне, развязали свои дорожные мешки — хурджуны, вынули ячменные лепешки и немного сушеных персиков.

— Красивый город, — сказал кто-то из борцов.

— Был красивый, — поправил его Асам-пахлаван. — Говорят, был красивый. Я его красивым не

видел уже. Я вижу его третий раз. Это несчастный город. Сорок лет назад был красивый, до нашествия Чингис-хана.

Махмуд молчал. Все, что рассказывал Асам-пахлаван, Махмуд уже знал. Он не ждал увидеть здесь ничего радостного и ничего нового, так же как и везде, где правили монголы. В Самарканде его интересовал один человек, наместник, правитель. Этот повелитель, оставленный монголами для поддержания порядка, ревностно исполнял свои обязанности, и его жестокость и своеволие даже в те страшные времена вызывали удивление и трепет.

Темнота все сгущалась и сгущалась. Над городом зажглись звезды. Теплый воздух поднимался снизу, с равнины, а сверху повеяло ночной прохладой. Пахло полынью и пылью дорог. Иногда в тишине слышались какие-то шорохи, мерно дышали спавшие верблюды.

— Знаешь,— сказал Асам-пахлаван, укладываясь спать,— знаешь, Махмуд, не попробовать ли тебе завтра с утра натянуть канат и показать свое искусство? В былые времена здесь любили канатоходцев.

— Нет,— ответил Махмуд.— Ты же знаешь, зачем я пришел в Самарканд.

Асам-пахлаван не стал возражать. Он знал, что нужно Махмуду в Самарканде. Нынешний правитель города много лет назад был среди тех, кто захватил Хиву и Ургенч. Говорили, что он был среди тех, кто угонял хорезмийских мастеров в рабство. Махмуд твердо решил расспросить повелителя Самарканда о судьбе своих земляков.

— Ну, как знаешь,— неуверенно пробормотал Асам-пахлаван.— Я за тебя думать не обязан.

— В том-то и дело, что каждый сам за себя должен думать,— вздохнул Махмуд.

Солнце только еще всходило, когда борцы, наскоро позавтракав, направились к городу. Стены и ворота Самарканда были давно разрушены, и жителям запретили их восстанавливать. Поэтому войти можно было через любую улочку. Впрочем, улочки были тоже разрушены, остались тропинки среди травы и кустарника.

Борцы шли пешком, верблюдов вели за собой. Садиться верхом опасно: какой-нибудь воин мог забавы ради выпустить по всаднику стрелу. Из-за кустарников и деревьев виднелись дома-мазанки, откуда робко выглядывали какие-то люди. Выглянут и спрячутся.

— Надо найти какого-нибудь старика, — сказал Асам-пахлаван. — Старики теперь храбрее молодых. У него остановимся, у него и узнаем, что и как теперь в Самарканде.

Не успел он это сказать, как на тропинке появился седобородый человек в рваном халате.

— Салам алейкум, — сказал он, низко поклонившись. — Трудной ли была дорога, не хотят ли путники найти крышу над головой?

— Спасибо, — тоже поклонившись, приложив руку к сердцу, ответил староста борцов. — Нам нужна крыша, но еще нужнее добрый человек, который даст мудрые советы в этом большом городе.

Через несколько минут они сидели под деревом возле арыка и старик рассказывал им:

— Борцам нечего делать в этом городе. Раньше мы очень любили борьбу и щедро благодарили тех, кто показывал свое умение. Но лет пять назад какой-то заезжий богатырь повалил монгольского борца, и с тех пор борьба у нас запрещена. Это ведь напоминает, что победителя можно победить.

Многие борцы видали, о многом слышали, но такого никто и предположить не мог.

— Теперь вся надежда на тебя! — Асам-пахлавани в упор посмотрел на Махмуда. — Может, твое искусство нас выручит.

— Сначала я пойду к повелителю, — уверенно возразил тот.

— А что вы еще умеете делать? — спросил старик. — Канатоходцам у нас тоже запрещено выступать. Никто не может взбираться выше победителя. А как же натянуть канат, чтобы он был ниже земли? То есть запрета нет, но канат нужно натягивать ниже земли. У нас много запретов. Мне не подобает огорчать гостей, но за любое послушание в Самарканде рубят голову.

Все молчали, Асам-пахлавани чертил что-то веточкой на земле, молодые борцы смотрели на то, что чертит их староста, а староста и сам не знал, что он чертит.

— Ну что ж... Значит, я сейчас пойду к повелителю, а вечером мы уйдем из этого несчастного города, — нарушил молчание Махмуд.

— Ты пойдешь к наместнику? — удивился старик. — Зачем?

— Я хочу спросить у него... — начал было Махмуд, но старик замахал руками:

— Монголов нельзя ни о чем спрашивать. Они боятся, что не сумеют ответить, и потому запрещают задавать вопросы.

— У меня нет другого выхода, — сказал Махмуд.

* * *

Махмуд стоял перед огромным дворцом повелителя, ждал, пока выйдет кто-нибудь из начальства, и удивлялся тому, что видел. Дворец этот был единст-

венным сохранившимся в Самарканде, но выглядел он очень странно. Стены дворца были когда-то выложены узорными изразцами, а теперь кто-то старательно разбил изразцы, а наверху, где не мог достать, закидал глиной. Резные украшения на фасаде были тоже разрушены.

Перед дворцом стояли с саблями, с луками и колчанами, полными стрел, воины внешней охраны. Махмуд не спрашивал у них, почему так изуродован этот дворец. Ведь если уж задавать вопросы, то самые важные.

Наконец заскрипела большая резная дверь, на которой древние узоры были изрублены ножами, и вышел кто-то по всему своему виду похожий на начальника. Лицо у него было оплывшее и недовольное. Это был начальник внешней охраны.

Махмуд шагнул к нему, поклонился и сказал, что хочет видеть повелителя.

— Уйди,— сквозь зубы бросил ему начальник.

— Я хочу видеть повелителя,— невозмутимо повторил Махмуд.

Начальник с любопытством посмотрел на упрямого незнакомца и, скривившись, спросил:

— Зачем?

— Каждый старый человек любит вспоминать молодость. Я хочу напомнить повелителю его молодые годы. Не лишайте повелителя радости.

Тысячи раз выслушивал начальник внешней охраны разные просьбы, но не такие.

Начальник внешней охраны ушел во дворец, долго советовался с начальником внутренней охраны, потом Махмуда впустили во дворец, обыскали, связали ему руки и вывели в сад.

Махмуд не переставал удивляться окружающему. Внутри, как и снаружи, дворец был нарочно изуродо-

ван, а в самых лучших парадных залах стояли лошади. В саду на разрушенном фонтане висели лошадиные потники, скрюченные сыромятные уздечки и созревшая кошма.

Повелитель жил в юрте, стоявшей прямо на солнцепеке. Он, родившийся в походе и выросший в седле, презирал удобства и роскошь. Он считал, что только трудности и лишения достойны мужчины, только суровость к себе будет залогом его жестокости к другим. А жестокость повелитель почитал самым главным человеческим достоинством.

Страж, стоявший у входа в юрту, распахнул полы, Махмуд шагнул в полутьму и увидел старика, лежащего на полу. Начальник внутренней охраны прошипел в ухо:

— Пади ниц!

Махмуд послушно распростерся перед стариком. Повелитель Самарканда лежал на кошме, под головой было седло, в руке он держал плетку.

— Говори! — невозмогая одышку, сказал старик. В последнее время он сильно болел. Голова у него гудела, затылок и шея были как чугунные, сердце билось часто.

— Я пришел, чтобы напомнить о твоей молодости. Я ни о чем не спрашиваю. Ты помнишь, как вместе с Чингис-ханом ты прошел по Хорезму, через Хиву и Ургенч, сколько крови пролили вы в тех родных мне краях, как угоняли вы в рабство лучших наших мастеров: медников, кузнецов, чеканщиков и ткачей...

— Я помню, — прервал Махмуда повелитель. — Я все хорошо помню. Я разрушил стены многих городов, я топтал возделанные поля, я убивал, я угонял в рабство. Вот и здесь, в Самарканде, я так наказал непокорных, что даже лучшие ваши грамотеи не могут сосчитать убитых. Я уничтожил водопровод.

Я разрушил много мостов, дорог, домов и дворцов. Я много сделал, но многого не успел.

— О повелитель! — Махмуд улыбнулся своим мыслям и скромно возразил: — Человек, проживший такую жизнь, как ты, должен сожалеть не о том, чего он не успел сделать, а о том, что он успел.

— Ты возражаешь мне? — удивился повелитель Самарканда. — А известно ли тебе, что все это я делал людям на пользу? Я разрушил водопровод, чтобы люди на себе носили воду для питья и полива, — ведь от этого плечи становятся крепче и шире. Помню, в одном селении люди плакали о преждевременной смерти красивой девушки. Они так сильно плакали, что я приказал убить всех плачущих, чтобы прекратить их горе. Или другой случай: я видел, как люди очень сильно смеялись, хватались за животы, разевали рты и некоторые валились на землю в изнеможении от смеха. Чтобы такое веселье не повредило их здоровью, я приказал убить смеющихся, а того, кто веселил их — рассказчика смешных историй, — велел посадить на кол. Все я делал на пользу людям! Неужели ты и теперь будешь возражать мне?

— Нет, повелитель, я не буду тебе возражать. Я даже не спрошу, слышал ли ты о том, что добро не нужно делать насильно. Я не спрошу, неужели ты не знаешь, что, прежде чем приступать к делу, нужно твердо знать, что есть зло и что есть добро.

— Ты не спрашиваешь меня, но я отвечу тебе, — зло прищурился повелитель. — Что бы я ни сделал, люди будут помнить обо мне. Я жил правильно, как люди моей крови, как мои предки и мои начальники. Теперь я умираю. Я и умру правильно, как мои предки. Я умру в степи, среди высохшей травы и сухой земли, чтобы никто не видел, как я не хочу умирать. И люди будут помнить обо мне.

— Нет,— опять с грустной улыбкой возразил Махмуд.— В мире слишком много злодейства, и потому люди помнят только тех умерших злодеев, с которыми можно сравнить еще живущих. Ты умрешь, и никто не будет помнить, как тебя звали.

— Стоит ли спорить о том, чего мы с тобой не сможем проверить,— зло сказал повелитель Самарканда.— Я умру скоро, но ты умрешь раньше меня. Ты умрешь сегодня!

— Не торопись убивать меня сегодня,— хладнокровно посоветовал повелителю Махмуд.— Если ты казнишь меня сегодня, то завтра уже не сумеешь меня казнить. Разве это не страшно, что завтра ты не сможешь сделать того, что сегодня еще мог сделать?

Повелитель задумался.

— Я не понял твоих слов,— сказал он немного погодя.— Но ты меня убедил. Пусть будет по-твоему. Только не думай, что ты останешься жить. Даже если я умру сегодня, завтра ты будешь казнен моими верными слугами.

Махмуд перевел дыхание. Он так и не выяснил, куда же угнали хорезмийцев, а уже приговорен к казни. Правда, удалось получить отсрочку на один день, но спастись от жестокого повелителя Самарканда вряд ли возможно.

— Ты приговорил меня к смерти,— сказал Махмуд повелителю,— а я не знаю за что. Но я не спрашиваю тебя, ибо знаю запрет. Я даже не спросил тебя о том, что интересует меня больше всего: куда ты угнал хорезмийских мастеров, куда их продали в рабство, где их искать.

— Ты не спрашиваешь меня, но я отвечу тебе,— прищурился и без того узкие глаза, сказал повелитель.— Хорезмийцев я пригнал в Бухару, которую ты уже не увидишь. И что было дальше, ты не знаешь.

Казню же я тебя за то, что ты улыбался в разговоре со мной, а это запрещено. Ты умрешь завтра.

Начальник внутренней охраны и стражники повели Махмуда к выходу из дворца, там ему связали ноги (руки ведь у него уже были связаны), и начальник внешней охраны приказал воинам тащить его в тюрьму.

* * *

Разговор с чужеземцем утомил повелителя Самарканда. За время своей власти над людьми он почти разучился думать сам и понимать чужие мысли.

«Проклятый чужеземец,— думал он.— Проклятый чужеземец!» Впрочем, ему только казалось, что он думал. Ведь в словах «проклятый чужеземец» никакой мысли не было.

Солнце перевалило за полдень, жара стояла нещадная, и в юрте было очень душно. Повелитель Самарканда сел на кошме. Голова кружилась, и болело сердце. Тогда он встал. Это было очень трудно, но он встал и сразу почувствовал, что голова у него закружилась сильнее.

«Проклятый чужеземец,— стучало у него в висках и в затылке.— Я все делал правильно! Меня не забудут люди. И сейчас я делаю правильно. Я должен умереть, как умирают люди моей крови. Я умру в степи, в чистом поле, среди травы и колючек, под сильным солнцем. Ветер и солнце высушат меня, и душа моя поскачет по степи на лучшем из моих коней, павшем тридцать лет назад. Душа кочевника живет в степи. Она не может жить в городе».

Повелителю Самарканда казалось: стоит только выйти в степь — силы и молодость вернутся, он опять будет гибким и ловким, сможет сильнее всех натянуть тетиву лука и дальше всех пустить стрелу.

Повелитель вышел из юрты и с трудом, но твердо зашагал по каменным плитам двора. Он миновал разрушенный фонтан с висящими на нем лошадиными потниками, вступил под своды дворца, брезгливо сморщился, когда воины охраны склонились перед ним. В этих поклонах была рабская покорность, но было и какое-то изящество, которое раздражало его.

Через решетчатое окно он заглянул в сад женской половины дворца. Его младший сын играл в шахматы с сыном конюха. В Самарканде в шахматы играли и дети и взрослые. Сын долго просил подарить эти фигурки. Повелитель добыл самые лучшие шахматы — из слоновой кости и янтаря. Пусть забавляется мальчишка. Он и не думал, что сын целыми днями будет просиживать за этой пустой забавой.

Повелитель хотел крикнуть сыну что-то сердитое и презрительное, он топнул ногой, и боль передалась по всему телу в затылок, так что в глазах потемнело. Сын не увидел отца, не повернул к нему головы. Повелитель постоял у окна и, когда боль отпустила его, молча направился к выходу.

Перед дверью он нахлобучил на себя тяжелую лисью шапку, тверже сжал плетку, которую почти никогда не выпускал из рук, и вышел на палящее солнце.

Его затошнило, когда он увидел перед собой ненавистный город.

Начальник внешней охраны шагнул к нему с поклоном.

— Подать лошадь? — спросил он. — Или носилки с рабами?

Правитель хмуро поглядел на начальника охраны, не понимая, что ему говорят.

— Лошадь под седлом или паланкин? — еще ниже склонился тот.

«Я иду умирать. В степь иду умирать», — хотел

сказать повелитель, но язык стал деревянным, не слушался. Повелитель ничего не смог сказать, а только замычал и сам испугался своего мычания.

— Бо-до-ма... — промычал повелитель.

Начальник внешней охраны глянул на него со страхом, и тогда повелитель, сам не зная почему, изо всей силы ударил своего верного слугу плетью по лицу.

Раньше у повелителя был такой удар, что плеть до кости разрубала мясо, а теперь...

Начальник внешней охраны только на секунду зажмурился. На его смуглом жирном лице даже рубца не осталось.

С мраморных ступеней повелитель ступил на пыльную дорогу и, с трудом волоча ноги, пошел вниз по улице. Он пошел вниз по улице, потому что за спиной у него были горы, а там внизу за городом, за базаром была степь. Повелитель шел умирать.

Когда он ступил на базарную площадь, там началась суматоха. И продавцы и покупатели бросились бежать. Некоторые успели собрать свой товар, а многие бросали все и с криком, не оглядываясь, пускались наутек. Площадь опустела мгновенно...

Повелитель хотел усмехнуться, но лицо тоже теперь не слушалось его, оно словно окаменело. Каждый шаг давался все труднее и труднее. Повелитель дошел до середины площади, споткнулся о камень, за который привязывали ишаков, и упал.

Он лежал на базарной площади среди конского и овечьего навоза, тряпья, продавленных корзин, обглоданных костей, среди грязных увядших арбузных и дынных корок. Солнце стояло почти в зените, воздух был неподвижен, пахло гнилью. Площадь была пуста, как степь, но не было в ней ни травы, ни ковыля, не было в ней запахов степи и свежего ветра.

Площадь была пуста. Ни один человек не решался показаться перед глазами умирающего, но повелитель Самарканда знал, что из-за каждой стены, из каждого дома, каждой хибарки на него смотрят глаза врагов. Врагами для него сейчас были все: и жители Самарканда, и воины охраны, даже его ближайшие помощники были теперь его врагами. Все ждали, когда он умрет, все видели, как он не хочет умирать.

Повелитель поднялся на локтях, еще раз оглядел базарную площадь.

«Нет,— думал он,— это не степь. Я умираю неправильно. Неужели я жил неправильно?»

Силы оставили его, и повелитель уткнулся в грязь лицом.

* * *

На другой день с утра палачу предстояло много тяжелой работы. В тюрьме, под которую приспособили очень большой сарай, его ждали пятьдесят восемь узников, приговоренных к смерти. Махмуд познакомился со всеми смертниками и уже перестал удивляться тому, за что здесь людей приговаривали к смерти. Трех приговорили к смерти за мелкое воровство, пятерых — за то, что не уступили захватчикам дорогу, двенадцать — что не сразу отдали им свои новые сапоги и халаты, тридцать семь — за плач в присутствии монголов, а Махмуда — за улыбку в присутствии повелителя.

Пятьдесят восемь узников ждали казни, а палач все не приходил. Не появлялся и начальник тюрьмы. Они с утра ушли во дворец. Здесь очень ждали перемен после смерти повелителя, и перемены эти действительно наступили.

Помощник повелителя стал повелителем, начальник внутренней охраны стал помощником повелителя,

начальник внешней охраны — начальником внутренней охраны, начальник тюрьмы — начальником внешней охраны, а палач стал начальником тюрьмы.

Палач пришел в тюрьму только в середине дня. Лицо у него было важное и довольное. Он открыл дверь и сказал:

— Убирайтесь на все четыре стороны. Я теперь начальник и не хочу марать руки о вашу кровь. Зачем мне это? Я теперь сам стал начальником, а палача для вас я пока не нашел. Идите! Все равно тюрьма пустая не будет. Найдем палача — найдутся и смертники.

* * *

Этой же ночью из Самарканда поодиночке выходили борцы Асам-пахлавана. Они шли осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания. Мало ли что может случиться в таком городе! На одном из верблюдов в мешке везли Махмуда. Асам-пахлаван боялся, что он опять ввяжется в какую-нибудь историю или просто улыбнется. А в тот день Махмуд не переставал улыбаться. Далеко в степи Махмуда выпустили из мешка, и он еще раз подробно рассказал друзьям, что с ним произошло.

С тех пор к имени Махмуд-Пахлавана люди стали добавлять слово «католий», что значит подвергавшийся убийству, побывавший под ножом палача.

Во многих исторических книгах Махмуд упоминается со словом «католий», а вот имени повелителя, который хотел казнить Махмуда, никто не помнит.

БУХАРА

Сам по себе любой высокий сан
Величия не придает словам,
И потому всегда внимайте смыслу,
А кто сказал — какое дело вам.

*Зайн ал-Абидин Магараи*¹

Много караванных дорог пришлось ему пройти, прежде чем попал он в благородную Бухару — Бухару, издавна славившуюся святостью и мудростью своих духовных наставников, своими мечетями и медресе, своими дворцами и садами.

¹ Зайн ал-Абидин Магараи — известный иранский поэт XIX века.

Небольшой караван, с которым ехали борцы, вошел в город после полудня.

Верблюды мерно шагали вдоль низеньких глиняных дувалов предместья. Кругом, насколько хватал глаз, расположились фруктовые сады. Зелень листьев и золото плодов тускло просвечивали сквозь густой слой серой пыли.

Путники разместились в небольшом караван-сарае, и Махмуд, наскоро умывшись, отправился в центр города.

Вернулся он затемно, а утром вновь ушел. Так повторялось несколько дней, и каждый вечер Махмуд возвращался мрачнее мрачного.

Странные в Бухаре были ученые — ученые-богословы. Это значило, что почти к каждому слову они прибавляли слово «бог» и других слов не понимали. Они говорили об аллахе и пророке, о семи небесных сводах, о райских прелестях, об ужасах ада, а когда их спрашивали о чем-нибудь простом, они закатывали глаза, набирали полную грудь воздуха, хватались за бороды и начинали бормотать что-то про мудрого из мудрых, ученого из ученых, святого из святых муллу Серажетдина.

— Скажите, много ли рабов прогоняли монголы через Бухару? — спрашивал Махмуд.

— Велик мудрый Серажетдин — гадатель будущего, да продлит аллах дни его, да украсится мудростью его род человеческий, да славится имя его в веках. Алла-бисмилла!

— Ну ладно. Не знаете — не надо. А хорезмийских медников, кузнецов, чеканщиков по серебру и золоту не видели?

— Нет никого, кроме аллаха и пророка, чьи слова имели бы такую красоту и глубину, как слова великого Серажетдина. Слова эти высоки, как верши-

ны, покрытые снегом, и смысл их глубок, словно синее море,— завывали ученые. И опять: —Алла-бисмилла!

Три дня ходил Махмуд по мечетям и медресе, у многих местных мудрецов побывал он, и все отвечали примерно так. Пробиться к мулле Серажетдину в медресе оказалось не просто. Пять его учеников — каждому лет под пятьдесят, если не больше,— с страстием спрашивали, что нужно чужеземцу, потом стражники обыскали Махмуда и только тогда впустили в зал, где над толстой книгой сидел сухонький старичок с огромной, шире плеч, зеленой чалмой.

— Говори, червь! — приказал старичок.

Махмуд удивился, но решил не обращать внимания на подобную неучтивость.

— Я пришел с севера,— сказал Махмуд.— И хочу узнать о судьбе моих соотечественников. Говорят, что сорок лет назад в Бухару гнали ремесленников из Хорезма. Так ли это? Если это правильно, то куда они девались, на юг пошли, на восток или на запад?

— Ты невежда и семь раз невежда,— ответил богослов.— Разве ты не знаешь, что все четыре стороны света, из которых ты упомянул только три, находятся под сенью мудрого аллаха-повелителя? А если так, то куда бы ни пошли твои ремесленники, это не твое дело.

Махмуд опять пропустил мимо ушей эти слова.

— Я дал обет найти своих старших братьев, отцов и дедов моих друзей. Я хочу знать, были ли они здесь сорок лет назад?

— Подлинный ученый,— ответил Серажетдин,— никогда не поинтересуется тем, что было. Только будущее может занимать умы мудрецов. В прошлом были аллах и пророк — этого нам хватит, а будущее написано в книге пророка, и читать эту книгу доверено избранным.

— В прошедшие времена,— возразил Махмуд,— жили наши отцы и деды, жили деды и прадеды наших дедов; как же можно не знать прошлого? Ведь без прошлого не понять настоящего и не угадать будущего.

— Все в книге аллаха! — ответил мулла.

— Ладно,— согласился, чтобы не спорить без толку, Махмуд.— Но нет ли в ваших книгах чего-нибудь о тех людях, которых угнали в рабство воины Чингис-хана?

— В книге, написанной мной, об этом сказано, упрямый человек, что всех рабов монголы водили на восточные горы, загоняли в пещеры и там отдавали дивам, чтобы заслужить их милость.

— На восточные горы, значит! — обрадовался Махмуд, получив хоть какие-то сведения.— На восточные горы — это понятно. Но зачем дивам мои соотечественники? Я с детства слышал о дивах. Это же сказки для глупых или для маленьких.

— Ты навлекаешь на себя гнев дивов, упрямый богохульник,— важно сказал мулла.— Ты не веришь моим словам, словам наставника медресе. Иди!

Как ни бился Махмуд, ему больше ничего не удалось узнать от Серажетдина. Зато все другие мудрецы Бухары с этого момента уверенно начали повторять: «Всех рабов монголы гоняли на восточные горы и кормили ими всемогущих дивов, живущих в пещерах».

Так ничего не добившись, покинул Махмуд дом мудрости аллаха, а когда выходил на улицу, увидел, как пять или шесть великовозрастных учеников медресе загоняли во двор ишака, груженного дровами. Ишак был стар и упрям. Чем больше его били и пинали, тем упорнее он сопротивлялся, загородив вязанкой узкую калитку.

— Не так надо,— сказал Махмуд. Он погладил ишака по голове, вкрадчиво и ласково заговорил с ним: — Почему ты не хочешь идти в этот двор? Неужели ты думаешь, что тебе не место среди здешних мудрецов? Ты ошибаешься, о ишак из ишаков. Ты имеешь полное право зайти в это святилище богословия. Ведь ты близкий родственник мудрого муллы Серажетдина. Я же вижу это. Иди, ишак, не стесняйся.

Упрямое животное вняло ласковому голосу и перестало сопротивляться. Ишак вошел во двор и послушно направился к кухне.

Ученики медресе стояли разинув рты, а самый расторопный кинулся к Махмуду с вопросом:

— Скажи, чужеземец, откуда ты узнал, что этот ишак — родственник мудрого муллы Серажетдина? Скажи, в каком он с ним родстве?

— Я объясню тебе это, если ты, в свою очередь, ответишь на один вопрос.

Ученик согласился.

— По высокомерию,— сказал Махмуд,— и выражению глаз я понял, что он близкий родственник вашего наставника. А по упрямству я угадал, что он его родной брат. Скажи теперь, почему все ваши ученые повторяют любую глупость, какую ни скажет Серажетдин?

— Видишь ли,— ответил ученик,— когда-то все наши богословы говорили и думали по-разному. Из-за этого возникали споры и ссоры. Тогда они вознесли молитвы, кинули жребий, и аллах указал им гадателя путей и судеб человеческих, прорицателя истин, мудрого муллу Серажетдина. Они стали повторять только его слова. С тех пор наши мудрецы живут тихо, мирно и очень долго.

Махмуд поблагодарил за толковое разъяснение и

направился на площадь, где выступали его товарищи — борцы.

Махмуд был очень зол и, вступив в единоборство с бухарскими пахлаванами, кидал их с таким остервенением и с такой силой, что толпа шарахалась в стороны.

Чемпион Бухары, волосатый тридцатилетний человек, которого Махмуд уложил с первого захвата, сидел на краю пыльной площади у арыка и ревел навзрыд.

Но Махмуд не радовался победам. Он горевал, что следы хорезмийцев терялись в этом городе, он был зол на мулл и богословов, говорящих о боге и не думающих о человеческих судьбах.

Следующий день Махмуд провел среди простых людей. Он расспрашивал всех, кто был старше сорока лет. Разные Махмуд получал ответы, но все они были более толковыми, чем слова муллы Серажетдина. Не сердился Махмуд, когда одни утверждали, что караван с хорезмийцами ушел на юг, другие указывали на восток, а третьи называли Византию. Поверил же он нищему слепому старику с деревянной миской для сбора милостыни.

— Помнится,— говорил слепой, улыбаясь, хотя улыбка была явно не к месту,— помнится, шел здесь такой караван, и один из стражников говорил другому, что в Зузене Хорасанском очень вкусно готовят шашлык. Это было в тот самый день, когда в Бухаре стало известно о смерти Чингис-хана. Я запомнил этот день, ибо именно тогда один молодой и веселый человек кинул мне серебряную монету и она закатилась в щель между двумя камнями, что лежат возле западных ворот.

«Что же,— подумал Махмуд,— самые правдоподобные сведения дал мне этот слепой. Действительно,

о чем могут говорить стражники, как не о еде, даже если в этот день стало известно о смерти их повелителя. Кстати, Чингис-хан умер именно сорок лет назад. Наверное, поэтому и был весел тот молодой человек, что кинул слепому серебряную монету».

— Скажи, отец,— спросил старика Махмуд,— ты достал ту монету, что закатилась в щель между двух камней?

— Нет,— грустно ответил слепой.— Рука не пролезает, а камни тяжелые — не сдвинуть. Я только слышал, как она звенела и катилась.

— Если ты сказал правду, я принесу тебе твою монету,— пообещал Махмуд и заторопился к западным воротам.

Камни оказались на месте. Это были огромные валуны, неведомо как очутившиеся здесь. Махмуд без труда отшвырнул тот, что был поменьше, и увидел большую серебряную монету, покрытую толстым слоем пыли.

Старый нищий был рад монете, а Махмуд твердо знал: надо ехать в Зузен. Не откладывая отъезд, Махмуд договорился с хозяином каравана, идущего в Хорасан, и стал прощаться с борцами. Их путь лежал в другую сторону, и расставание было неизбежным.

— Почему ты поверил какому-то слепому нищему, а не поверил людям, известным своей мудростью и образованностью? — спросил Махмуда Асам-пахлаван.

— О, Асам-ака,— ответил Махмуд,— важно ведь не то, кто говорит. Важно то, что говорит.

На прощание Асам-пахлаван сказал Махмуду:

— Я видел много богатырей на своем веку, а такого, как ты, не встречал. Ты мог бы всю жизнь бороться на базарах, но ты из тех, кто не может всю

жизнь ходить одной и той же дорогой. Тебе всегда нужны новые пути. Иди по этим путям. Если ты и погибнешь, то песни, сложенные о твоей силе, не забудутся никогда.

— Никто не знает, как долго суждено жить песням,— отвечал Махмуд.— Мне нужно вернуть моей родине ее сыновей, мне нужно вернуться к матери и любимой. Это — главное.

Наутро Махмуда уже не было в Бухаре.

ЗУЗЕН

Павлин благоденствия красуется
в саду благополучия.

*Синдбад-наме*¹

Но и в Зузене Хорасанском не оказалось соотечественников Махмуда. Старики говорили, что хорезмийских мастеров воины Чингис-хана прогнали здесь лет тридцать, а может, сорок назад. Они ушли на запад, а куда ушли, не было известно. Говорили, будто во дворце эмира есть хорезмийское серебряное блюдо и на этом блюде много рисунков и надписей.

¹ Синдбад-наме — книга о Синдбаде.

Но как попасть во дворец? Этого Махмуд не знал.

В отличие от многих правителей, эмир Зузена не любил смотреть на борцов и канатоходцев. Эмир считал себя поэтом и писал стихи. Слава Махмуда Палван-ата не могла открыть доступ к эмирским сокровищам. Во дворце вечно толпились поэты и толкователи стихов. Сами они большей частью ничего не знали и ничего не умели. Поэты на все лады воспевали талант своего повелителя, а толкователи писали длинные трактаты о глубоком смысле стихов эмира.

Лесть имеет одну странную особенность. Она похожа на мед — сладкая, липкая, душистая. Она приятна, но питаться только медом нельзя.

Эмиру было пятьдесят лет. Стихи он начал писать ни с того ни с сего, от скуки, лет десять назад. За пять лет придворные подхалимы истратили весь запас своих похвал и вот уже пять лет только и делали, что повторяли сами себя. Иногда они забывались и повторяли не свои слова, а чужие. Тогда среди поэтов и толкователей вспыхивали драки. Почтенные старцы вцеплялись друг другу в бороды, катались по длинным ковровым дорожкам дворцовых галерей, а иногда даже кусались и царапались. В такие дни сам повелитель не мог их утихомирить. Стража, зная любовь эмира к льстецам, не вмешивалась и обходила дерущихся поэтов стороной, а эмир переодевался в простой халат и свисающую на лицо чалму, перекрашивал бороду и уходил в город. Он надеялся, что услышит новые похвалы, идущие от простых сердец его подданных. Он ходил по базару и прислушивался. Но люди на базаре почему-то не говорили о стихах. Они спорили о ценах, торговались. Он шел к ремесленникам, но и те не спорили о поэзии, а занимались своим делом.

В харчевнях, где стоял чад от шашлыков и люля-

кебабов, где сладко пахло жареным луком и свежими лепешками, тоже не говорили о стихах. Никто в Зузене не говорил о поэзии.

Однажды, когда эмир, утомленный напрасным хождением по базару в поисках ценителей стихов, возвращался домой, у ворот дворца не оказалось стражи. Эмир стучался, стучался, пока какой-то статный чужеземец не посоветовал ему:

— Не стучите. Я здесь уже с полдня жду, а никого нет. Говорят, во дворце идет драка между поэтами и толкователями по поводу последнего стихотворения эмира и вся стража смотрит на побоище. Видно, здесь не знают, что такое стихи.

— Кто ты, благородный человек? — с важностью спросил эмир. — Ты правильно сказал о моих слугах. Они не понимают стихов, ибо обо всех моих стихах говорят одно и то же.

Махмуд сразу догадался, что перед ним переодетый эмир.

— Я пахлаван из Хорезма, по имени Махмуд, — ответил он. — За победы над борцами пяти царств меня зовут Палван-ата. Меня знают как борца. Многие говорят, что я неплохо хожу по канату, но никто не верит, что борец я по случайности, а в душе очень люблю стихи.

Эмир обрадовался встрече. Он подумал, что чужеземец — именно тот человек, который скажет ему что-либо новое.

Между тем кому-то из стражников надоело смотреть на драку. Он вышел к воротам и впустил во дворец эмира и гостя.

По восточному обычаю, с гостем нельзя сразу говорить о делах, и эмир прежде всего решил угостить Махмуда хорасанскими кушаньями.

В огромном обеденном зале расстелили длинный

ковер. Двадцать слуг внесли сорок подносов и поставили их в ряд. Учувя запах еды, перестали драться придворные поэты. Они прибежали с синяками и кое-как заклеенными царапинами. У главного поэта и главного толкователя стихов не хватало столько волос в бороде, что двух бород едва хватило бы закрыть даже один маленький подбородок.

Эмиру и Махмуду слуги подали золотые блюда. Остальные тридцать восемь были серебряные.

— О великий эмир! — сказал Махмуд. — Я прошу тебя об одной милости. Скромность простого человека не позволяет мне есть с такого же блюда, как твое. Позволь, я сам выберу себе блюдо.

— Ты мудр и скромн, — величественно отвечал эмир. — Выбери себе блюдо сам.

Трудно определить, какое из тридцати восьми серебряных блюд сделано хорезмийцами, тем более что они завалены кушаньями и рисунков не видно. Долго Махмуд выбирал блюдо. Придворные проголодались после драки и раздраженно поглядывали на медлительного гостя. Эмир самодовольно улыбался скромности чужеземца.

— Учитесь у него, — указал он придворным. — Вот истинная скромность человека, находящегося перед лицом царя.

Наконец Махмуд решился. Он выбрал блюдо тонкой лапши, перемешанной с рубленным мясом. С детства Махмуд не любил лапшу, но ему показалось, что рисунок на ободке напоминает старинные хивинские узоры.

Усевшись против эмира, Махмуд приготовился есть. Эмир, воздев руки к небу, произнес:

— Во славу аллаха и его пророка, за мое драгоценное здоровье — начали!

Никогда в жизни Махмуд не ел так много и так

быстро. Если бы мать видела, что у сына такой аппетит, она, верно, очень бы обрадовалась. Даже придворные, привыкшие к обжорству, удивлялись тому, как много Махмуд запикивает в рот. Но как он ни торопился, а блюдо все еще было покрыто лапшой. Наваленная горой, она расплзалась и покрывала только что освободившееся пространство. Махмуд уже наелся, а из-под лапши едва выглядывали изображение нижней части какой-то башни и край полуразрушенной стены.

Да, это было хорезмийское блюдо. Рисунок башни и стены очень походил на развалины Ургенча-Турганджа после нашествия монголов. С новой силой Махмуд накинулся на ненавистную лапшу, и вот наконец обнаружилась надпись, выгравированная на серебре: «Нас, тысячу хорезмийских мастеров с семьями, гонят через Хорасан в Те...»

Махмуд, давясь от нетерпения, глотал жирные куски вареного теста.

«...в Тегеран,— открылось на блюде.— Если оттуда нас погонят дальше, ищите нас по следам наших рук».

Для того чтобы узнать остальное, нужно было съесть не меньше полпуда лапши. Этого Махмуд не мог. Он стал незаметно переваливать лапшу с места на место. Наконец открылась вся надпись:

«...Ищите нас по следам наших рук. Следы ног заметает песок. Следы рук остаются навеки».

Ради этой истины стоило пережить «пытку лапшой», как про себя назвал Махмуд эмирскую трапезу. Пойми он это сразу, поиски, наверное, еще раньше навели бы его на подлинные следы пропавших соотечественников. Все становилось простым и ясным. Надо искать вещи, изготовленные хорезмийцами, по ним он найдет и самих мастеров.

После обеда все перешли в зал, где собирались придворные поэты. Стены и потолок были украшены стихами эмира. Махмуд бегло просмотрел их и искренне удивился. Никогда до сих пор он не думал, что подобную чепуху можно произнести.

— Скажи, чужеземец, — самодовольно спросил эмир, — как тебе это нравится?

Махмуд ответил то, что думал:

— Я не подозревал, что все это может произнести один человек, но я еще больше удивлен, что нашлись люди, способные это записать.

— Вот видите, — радостно заявил эмир придворным поэтам, — вот что значит ученый человек! Как он меня похвалил. А вы все воете: «Изумительно! Великолепно! Мудро! Неподражаемо!» Учитесь похвалям у чужеземца.

Махмуд не любил говорить неправду, даже если это было необходимо. Когда же дело касалось искусства и особенно стихов, он просто не мог лгать. Здесь же получалось, что он соврал. Махмуд хотел возразить.

— Чужеземец, — жестом остановил его эмир, — ты еще скажешь потом. Послушай лучше самые новые, самые совершенные стихи.

Эмир с ногами забрался на трон, вытянул правую руку вперед, а левую назад и прочел:

Какой хороший я эмир! Веселый я эмир!

На целый мир — один эмир. Один такой эмир!

— Восхитительно! Поразительно! Упоительно! — хрипло гаркнули придворные поэты и толкователи стихов.

Но эмир не слушал их, он смотрел на Махмуда. Тот задумался. Сказать, что это плохие стихи, было мало. Нужно объяснить эмиру, почему они плохие.

— Видите ли,— вежливо заговорил Махмуд,— мне сказали, что вы начали писать стихи в сорок лет. Между тем известно, что до двадцати лет стихи пишут решительно все, после двадцати — поэты, после тридцати — гениальные поэты, а тому, кто начал после сорока, лучше вообще не писать.

Эмир и придворные не поняли, что хотел сказать гость, и Махмуду пришлось пояснить:

— Это очень плохие стихи. Они ничего не говорят людям. В них нет никакого смысла и никакой красоты.

Придворные опешили. Такого во дворце не случилось никогда. Эмир все еще стоял ногами на мягкой подушке своего трона и от удивления забыл переменить позу. Наконец эмир опомнился. Он топнул левой ногой и опять удивился.

Дело в том, что обычно под левой ногой у него стоял барабан. Достаточно было ударить в него каблуком, как в зал врывались двадцать стражников с саблями наголо. Эмир привык топать, но он забыл, что на этот раз под левой ногой была пуховая подушка. Он топал и топал, а звука не было, и стражники не появлялись.

Первым опомнился самый главный поэт. Он кинулся к барабану и застучал в него кулаками. Тотчас же распахнулись четыре потайные двери, и, будто из-под земли, появились двадцать эмирских телохранителей во главе с начальником подземной тюрьмы.

— Кого хватать?! — вращая круглыми от натуги и усердия глазами, спросил он.

Эмир не мог говорить. Он только указал рукой на Махмуда. Гостя схватили и потащили к двери. Эмир слез с трона. Голова его кружилась. Левая нога дергалась сама собой. Ей хотелось ударить в барабан.

Гостя схватили и потащили к двери.

Главный толкователь стихов, который находился в вечной вражде с главным поэтом, решил воспользоваться случаем. Он подбежал к эмиру и что-то зашептал ему на ухо. Эмир подскочил на месте и ударил ногой в барабан.

— Этого тоже заберите,— указал повелитель на главного поэта.

Тот завопил и, мотая остатками бороды, стал вырываться из рук дюжих стражников.

В Зузене существовал старинный закон, по которому никто не имел права прикасаться к эмирскому барабану. За это полагалось пожизненное заключение. Поэта уволокли.

Три дня сидел Махмуд в темнице, и три дня эмир придумывал, какой смертью Махмуд должен умереть. Эмир знал сто одиннадцать способов казни. Все они были достаточно страшны, но все заканчивались одинаково: голову казненного насаживали на пику и выставляли в саду перед дворцовыми окнами. За время своего царствования эмир Зузена поставил двести двенадцать таких пик.

Три дня и три ночи эмир придумывал новую казнь, но что-то мешало ему. Он даже стихов не сочинял. На четвертые сутки эмир вызвал к себе главного толкователя стихов:

— Послушай, мой единственный верный друг,— сказал эмир,— я не могу казнить этого нечестивого Махмуда. Ведь если его голова будет все время торчать перед моими окнами, я всегда буду вспоминать о том, что был человек, которому не нравились мои стихи. Я не смогу больше писать.

— Это мудро! — воскликнул толкователь. В его голове зрел коварный план.— Надо заставить хорезмийца похвалить ваши стихи, а после этого уже казнить.

В тот же день начальник тюрьмы сказал главному поэту:

— Если ты сумеешь сделать так, чтобы Махмуд похвалил новые стихи эмира, то его казнят, все пойдет как прежде и тебя помилуют.

Главного поэта перевели в темницу к Махмуду. Всю ночь подлый придворный льстец убеждал Махмуда, что стихи эмира — божественная красота и непознаваемая мудрость.

Сначала Махмуд пытался спорить, доказывать, объяснять, а под утро, чтобы прекратить спор, прочитал такие строчки:

Сто гор кавказских истолочь пестом,
Сто лет в тюрьме томиться под замком,
Окрасить небо кровью сердца легче,
Чем провести мгновение с глупцом.

Главный придворный поэт понял, что переубедить хорезмийца он не сможет. Тогда он сказал:

— Помни же! Если ты еще раз обидишь эмира, тебя посадят на кол. По-моему, лучше похвалить плохие стихи, чем сидеть на хорошем колу.

— В этом ты, пожалуй, прав, — согласился Махмуд.

Скоро эмиру донесли, что чужестранец сдался. Эмир немного успокоился.

Ночью он написал новые стихи, а утром Махмуда ввели в тронный зал.

Повелитель Зузена сидел на троне и, подперев голову рукой, медленно раскачивался из стороны в сторону.

— Слушай, несчастный, стихи великого эмира! — провозгласил торжествующий толкователь. — Слушай и помни, что сейчас решится твоя судьба.

В глубине души эмир надеялся, что новые его стихи действительно понравятся Махмуду.

Эмир раскачался как следует и начал:

Ужасно грустный я эмир! Увы! Увы! Увы!
О горе мне, о горе мне! Увы! Увы! Увы!

Махмуд с минуту колебался. Потом он молча повернулся и направился к двери, которая вела в сад казней.

— Куда ты?! — закричал эмир. — Постой! Мы хотим знать твое мнение.

— Чего уж, — грустно сказал Махмуд, — чем хвалить такие стихи, лучше сразу умереть.

Эмир упал в обморок, а когда пришел в себя, приказал:

— Дайте ему лучшего скакуна, и пусть через день никто в моем царстве не видит и не слышит его. Пусть он убирается скорее.

— А как же быть с главным поэтом? — затаив злорадство, спросил главный толкователь стихов.

— Голову поэта наденьте на пику и поставьте перед моими окнами. Я буду смотреть на нее и вспоминать, как поэт хвалил мой талант. У меня от этого улучшается настроение.

Махмуд торопил коня. Он скакал весь день и, отдохнув ночью, с рассветом вновь мчался по степи. Ему хотелось как можно быстрее покинуть царство, где любовь эмира к стихам мешала простым людям говорить правду о поэзии.

Махмуд спешил в Тегеран.

ТЕГЕРАНСКИЕ БОГАТЫРИ

Неблагороден, кто на грудь упавшему наступит,
Нет, ты упавших поднимай —
и будешь благороден!

Махмуд-Пахлаван

В те времена правитель Тегерана был простым прислужником монгольских ханов. Старый, трусливый, напуганный нашествием и утомленный интригами и междоусобицами, он не мог и не пытался укрепить свои владения и тешился собственной важностью и жестокостью. Называть себя он приказал шахиншахом, пышные титулы роздал придворным,

казнил правого и виноватого, продавал своих подданных в рабство, а стражу себе набирал из рабов, купленных у других царей.

Была у правителя страсть к зрелищам. Особенно любил он борьбу. Однажды ему доложили, что из Хивы в Персию едет какой-то пахлаван, которого зовут Палван-ата. Говорили, будто нет ему равных в борьбе ни в благородной Бухаре, ни в славном Самарканде, ни в Горате, ни в Зузене Хорасанском.

И повелитель приказал:

— Как только этот борец появится в Тегеране, пусть приведут его ко мне, и да попробует он сразиться с моими пахлаванами. Пусть знают во всем мире, что нет на свете богатырей сильнее, чем мои рабы.

На всех заставах стражники опрашивали путников, доносчики и соглядатаи рыскали по Персии, высматривая человека, о котором уже слагались песни. Но песня не портрет. По песне человека не узнать. О Махмуде, например, пели, что велик он, как гора, что лицо у него как голова дракона, руки словно змеи, ноги словно каменные столбы. И никто не называл его настоящего имени — Махмуд, а величали титулом Палван-ата.

Ни в одни ворота, ни с одним караваном не входило такое страшилище. Сыщики сбились с ног, а потом устали и решили ждать. «Такого легко заметить, даже сидя в чайхане или просто на улице,— думали они.— За ним должны обязательно ходить толпы зевак».

Между тем Махмуд жил в Тегеране уже две недели. Здесь тоже не оказалось хорезмийских мастеров, и Махмуд искал «следы рук». Первые дни не принесли ничего нового. Правда, он нашел несколько медных подносов и два кувшина кятской работы. Он даже купил один кувшин, прельстясь насечкой

«главное внутри», но, разломав медную посудину, не обнаружил на внутренней стенке никакой надписи. Видимо, мастер просто хотел сказать, что ценность сосуда не в нем самом, а в его содержимом.

Махмуд истратил последние деньги и продал скакуна, добытого в Зузене таким необычным способом, а достоверных сведений о дальнейшем пути соотечественников все не было. Лишь на пятнадцатый день он нашел на толкучке то, что искал.

Бедная женщина продавала потертый коврик. Махмуду показалось, что коврик этот хивинский. Так оно и было. Причудливый узор синих и желтых цветов по краям переходил в вытканную надпись: «Мы идем в Индию».

— В Индию,— огорчился Махмуд.— Легко сказать — в Индию. А как туда добираться?

У него оставалось всего несколько мелких монет.

Махмуд жил в ночлежке при караван-сараяе. У хозяина ночлежки, маленького, толстенького, коротконового перса, была странная привычка. Он не собирал плату за ночлег вечером или утром, а выбирал для этого такое время, когда все крепко спали. Обычно это бывало за час до рассвета. Хозяин ходил по рядам и дергал каждого постояльца за ногу. Тот просыпался, давал монету и снова валился спать. Махмуд обычно спал крепко, и хозяину приходилось дергать его изо всей силы, да еще по несколько раз. С первого раза Махмуд только подбирал ноги, потом сквозь сон посылал хозяину проклятья, а просыпался только тогда, когда хозяин уже окончательно выбивался из сил.

В ту шестнадцатую ночь в Тегеране Махмуд долго не мог заснуть. Думалось о матери, о Таджихон, о родной Хиве и о далеком пути в неведомую Индию.

Уснул он перед рассветом.

Хозяин собрал деньги со всех постояльцев и долго, но безуспешно дергал Махмуда за ногу. Тогда, чтобы больше не утруждать себя, хозяин применил хитрость. Он сходил за сапожным шилом и пырнул им Махмуда в пятку.

Результат превзошел самые смелые ожидания, и хозяин сразу же пожалел о содеянном. Махмуд мгновенно вскочил, схватил хитрого перса за шиворот, не слушая воплей, вытащил на крыльцо и начал подбрасывать его в воздух, как дома кидал мельничный жернов.

Но у жернова была ручка, за которую Махмуд его ловил, а у хозяина ночлежки были две руки и две ноги. Поэтому Махмуд хватал его то за руку, то за ногу, а однажды, схватив за шелковый халат, чуть не выпустил. Наконец Махмуд устал кидать хозяина, а хозяин устал кричать.

— Ты зачем меня шилом ткнул? — спросил Махмуд у дрожащего от страха перса.

— А ты не просыпаешься.

— А почему ты у меня деньги с вечера не берешь, зачем ночью будишь? Бери с вечера в одно время, и никого будить не придется.

— Какой хитрый! — скривился хозяин, продолжая дрожать. — Нет, уж лучше пусть меня кидают, а деньги я буду собирать, когда все спят. Если в одно время брать, будете позже приходиться. Вас много, а я один, всех не упомяну. Один уплатит, а другие скажут: «Мы тоже платили». Знаю вас.

Махмуд уже проснулся, и настроение у него стало лучше.

— Вот что, хозяин. На тебе за два дня вперед, и больше меня не буди. А если ты меня не запомнил, я тебя подкину выше крыши, а ловить не стану. Тогда запомнишь.

— Уже запомнил,— заверил перепуганный толстяк.— Тебя я на всю жизнь запомнил.

Хозяин ночлежки действительно запомнил Махмуда. Утром он подошел к нему и предложил отдельную комнату.

— Денег нет,— сказал Махмуд.— Последние истратил. Не знаю даже, как дальше поеду.

— Вах! Такой богатырь, а без денег,— охнул хозяин. Он отозвал Махмуда в сторону.— У нас в Тегеране богатырь всегда может заработать. Пойди в зурхану—место, где борцы собираются,—и борись за деньги. Зрители деньги платят, на каждого борца ставят. Ты многих победишь с твоей силищей. Только не борись с рабами шахиншаха. Их никто победить не может. Вах, какие сильные!

После случая в Бухаре Махмуд дал себе слово не бороться с кем попало. Очень уж неприятно смотреть, когда здоровый мужчина плачет и пятерней по лицу слезы размазывает, словно ребенок. Но сейчас случай был особый. Без денег дальше не поедешь.

И Махмуд пошел в зурхану.

Это был приземистый дом с очень низкой дверью. Махмуд чуть не расшиб лоб о притолоку и остановился у порога. Зурхана—зал для борьбы—помещалась почти в подвале. Сверху через отверстие в куполообразном потолке на круглую, похожую на бассейн, глиняную арену падал сноп света, все остальное помещение находилось в полумраке. Махмуд с трудом разглядел глубокие ниши. Там сидели какие-то темные фигуры и шел дым от кальянов. Воздух был спертый, тяжелый. На арене занимались разминкой несколько борцов. Одни, лежа на спине, выжимали тяжелые каменные гири, другие размахивали деревянными дубинками, третьи упражнялись с железным луком. Одеты в короткие и узкие штаны, так

что все тело до пояса и ноги были видны, они сосредоточенно повторяли упражнения и бубнили под нос молитвы.

Это было внушительное зрелище. Вдвухались мускулы на руках, на спинах, но больше всего вдвухались животы. Борцы, как на подбор, были толстыми. Здоровенный, длиннолицый перс, с красной от хны бородой, расхаживал по арене, давал советы.

— Ты что? — спросил он Махмуда.

— Хочу попробовать, — скромно ответил тот.

— Первый раз в зурхане?

— Да. Я не здешний.

Бородач окинул его оценивающим взглядом:

— Обычай у нас такой: прежде чем новичка на борьбу выпустить, мы должны посмотреть на него, чтобы смеху не получилось. Люди деньги платят не за смех, а за силу. Ну-ка ответь, что является матерью борьбы?

— Захват спины, по-моему, — ответил Махмуд. — Потому что со спины рука достает всюду: до головы, до ног и до пояса.

— Так, — похвалил новичка бородач. — А отчего борец падает на лопатки?

Этот вопрос оказался для Махмуда самым трудным. Многие довелось узнать Махмуду во время жарких схваток, но падать на лопатки не приходилось, и он об этом никогда не задумывался.

— Падают оттого, — улыбаясь, сказал он, — что не умеют бороться, или оттого, что не могут.

— А дальше? — одобрительно поторопил бородач.

— Больше причин не знаю, — немного растерянно ответил хорезмиец.

— Плохо! Дальше нужно сказать так: главное происходит по воле бога. Ответь-ка еще: что такое борьба?

Лет с восьми Махмуд начал бороться с ребятами, с семнадцати его признали пахлаваном. Он боролся в тридцати городах, и разными способами: на поясах без подножек, на поясах с подножками, без поясов и без подножек и еще по-всякому. Но никогда не задумывался он над тем, что такое борьба.

— Чего молчишь? Не знаешь, что такое борьба, а бороться хочешь. Эх, ты! Знай, что борьба есть искусство похвальное и ценимое царями и правителями. Ну ладно. По выговору ты, видно, чужеземец, — тебе простительно, ибо только перс может быть настоящим борцом-пахлаваном. Иди вот в ту нишу, раздвесься и выходи на арену.

По сравнению с другими борцами Махмуд казался мальчиком, но упражнения он выполнил исправно, гири поднимал небрежно и легко, упражнение с палицами, правда, сначала не ладилось.

Вдруг забил барабан, и борцы ушли с арены. Приехали почетные гости — богатые купцы и начальник канцелярии правителя. Краснобородый объявил о начале борьбы. Барабан вынесли на улицу и колотили в него там, собирая зрителей. Когда в зале собралось человек двести, бородач вышел на середину и объявил, что он вынужден извиниться перед почтенной публикой, ибо в первой паре выступает новичок. Законы гостеприимства незыблемы, и гостю предоставляется право попробовать свои силы. Если это будет смешно, пусть зрители не сильно смеются и будут вежливыми.

Борцы вышли на арену. Соперником Махмуда был немолодой, высокий атлет с сильно развитыми ногами. Поединок не начинался. Посетители заключали пари. На Махмуда никто не хотел ставить. Только купцы, заключая пари с начальником канцелярии, поставили на Махмуда. Они добивались снижения

налога и решили таким способом незаметно дать взятку начальнику. Ни он, ни купцы не сомневались в поражении новичка.

Борцы сошлись. Голенастый атлет недолго думая полез в наступление. Махмуд отскочил. Противник самодовольно улыбнулся и снова пошел в наступление. И в тот же миг в воздухе мелькнули длинные босые ноги. Махмуд броском через плечо кинул противника и прижал его лопатками к глиняному полу.

Смеха действительно не было. От неожиданности в зале замерли. Только начальник канцелярии крикнул, и купцы испуганно охнули. Они выиграли пари и очень испугались, что начальник канцелярии рассердится.

Бородатый судья на арене был изумлен не меньше зрителей. Однако не победа новичка удивила его. На арене всякое бывает. Судья заметил, как легко и точно новичок выполнил сложный прием.

— Как тебя зовут? — спросил он Махмуда, будто первый раз видел его. — Ты заработал золотой. Будешь бороться еще?

— Попробую, — ответил Махмуд.

— Кто хочет сразиться с нашим гостем Махмудом? — громко спросил судья.

На арену вышел приятель длинноногого.

Судья отвел его в сторону:

— Помни, что сказал отец богатырю Рустаму. Врага нельзя считать ничтожным и беспомощным. Будь осторожен. Он кидает через плечо.

Второго борца Махмуд кинул через бедро.

Купцы в этот раз опять поставили на новичка. Начальник канцелярии опять проиграл.

Других борцов не нужно было предупреждать об осторожности. Они и без того были осторожны, но один за другим уходили с арены с глиной на лопат-

ках. Хорезмиец применял только два приема: бросок через плечо и бедро.

В тот день Махмуд положил восьмерых и заработал ровно половину того, что ему было нужно на дорогу.

Начальник канцелярии проиграл все восемь раз и прямо попросил купцов простить ему долг.

Купцы согласились и, как всегда, остались в барышах. И взятку дали, и ничего не потеряли.

Слух о приезде борца дошел до правителя. Утром следующего дня он созвал к себе приближенных, начальника стражи, невольников-борцов и сильнейших базарных пахлаванов.

— Объявился у нас некий пахлаван Махмуд,— начал правитель.— Это жалкий ремесленник из Хорезма. Ему удалось победить восемь борцов. Что станет теперь со славой нашего города и всей державы?!

Давно уже приближенные не видели своего повелителя таким озабоченным.

— Сегодня,— продолжал повелитель,— сегодня мы соизволим сами посетить зурхану, дабы посмотреть на приезжего. Тот, кто победит Махмуда, получит дорогой халат, зеленые штаны и хну, чтобы красить бороду. Начнут бороться самые слабые, а по мере того как Махмуд будет терять силы, мы будем выпускать сильнейших.— Правитель подошел к огромному одноглазому базарному силачу, владельцу всех крупных харчевен.— Ты будешь бороться предпоследним. Он тебя не поднимет, а ты его подомнешь. А последним будет бороться негр.

Негр Али был куплен у африканского купца за тысячу золотых. Али был строен и по-своему красив. У него было доброе веселое лицо, темная, с синим отливом кожа и белые до голубизны зубы.

— Слава шахиншаху! — ответил негр и подумал,

что выпускать на одного борца подряд десять сильней нечестно; подумал и не сказал: раб не должен возражать хозяину.

В этот день зурхана не вместила всех желающих. Лучшие места заняли люди в расшитых золотом одеждах, правитель с приближенными уселись в ковровой нише, и даже на самых дешевых местах сидели люди в шелковых халатах. Простой народ толпился у входа в надежде хотя бы по шуму в зурхане узнать о ходе борьбы.

Краснобородый судья явно волновался. Он ходил по арене, пробовал упругий глиняный пол, подбирал какие-то невидимые соринки. Потом он подошел к Махмуду:

— Заметил ли ты, чужеземец, что пол нашей арены упруг, как тело человека?

— Заметил,— ответил Пахлаван.

— Подумал ли ты, отчего он упруг?

— Нет,— ответил Махмуд.— Мне на него не падать.

— Так знай: пол упруг потому, что под слоем глины лежит толстый слой колючки и снопы камыша.

— Спасибо,— сказал Махмуд.— Это хорошо придумано... для тех, кто часто падает.

Краснобородый обиделся. Это было его изобретение, и он им гордился.

Наконец правитель подал знак. Судья вышел на середину арены, поклонился в сторону ниши, где сидела знать, прочитал молитву и возгласил:

— О величайший из великих шахов и падишахов! Сейчас ты увидишь славную битву. На поле сражения храбрецы надевают кольчугу, здесь надо сражаться обнаженными. Наши пахлаваны побеждали всех от Византии до Индии. Этого неизвестного Махмуда они тоже победят. Так хочет аллах всемогущий.

На этот раз Махмуд не скупился на приемы. Вообще, знание приемов — это далеко не все. Нужно уметь их применять, применять четко, быстро, неотразимо. Самое главное — не дать противнику произвести захват. Если это ему удалось, начинается изнурительная борьба в стойке. Махмуду предстояло бороться с десятью свежими противниками, поэтому он предпочитал маневрировать.

Правитель приказал слуге следить за песочными часами и докладывать о времени каждой схватки. На первую Махмуд потратил две минуты, на вторую — полторы, на третью — три, на четвертую — две. Двух следующих борцов он положил с первого же захвата.

Сначала людям казалось, что успехи приезжего пахлавана — случайное везение. И неожиданно, где-то между третьей и пятой схваткой, посетители зурханы поняли, что гость — замечательный борец. Не стесняясь присутствием правителя, зрители стали бурно проявлять свой восторг. Борцы терялись, от волнения делали ошибки и налетали на бесчисленные ловушки, расставляемые хладнокровным противником. Махмуд боролся без передышки. Не успевали смолкнуть приветствия в честь очередной победы, как он снова выходил на арену. В его стойке была та кажущаяся небрежность, которая поражает неопытных болельщиков. Он стоял, пригнувшись к полу, руки свисали вниз и еле заметно двигались. Двигалось что-то у плеча, вдоль спины играли мышцы, и непонятно было, что сделает борец в следующее мгновение. Он мог войти в обычную стойку, чтобы ловким зацепом или подсечкой опрокинуть врага. Он мог молниеносно нырнуть вниз и захватить ноги противника. Каждое его движение сулило поражение опытным противникам и таило в себе причины восторга зрителей.

После восьмой победы Махмуда правитель города приказал остановить борьбу и сам спустился на арену.

— Вы позорите нас,— сказал он борцам.— Ни один из вас не показал ничего такого, что вы показывали раньше. Разве вы забыли все, чему учились? Объявляю нашу волю. Знайте: за победу я даю пятьсот золотых.

Одноглазый владелец харчевен был следующим. Он сбросил халат и удивил Махмуда своим огромным обвисшим животом и множеством металлических и костяных амулетов, четок и медальонов на шее, на руках и даже на животе. Одноглазый начал молиться. При каждом поклоне побрякушки позванивали и постукивали друг о дружку.

Махмуд стоял в противоположном конце арены и ладонью растирал мышцы.

Краснобородый судья, не дожидаясь конца молитвы, нашептывал грузному владельцу харчевен:

— Никто не применил еще кружения. Закрути его, как ты умеешь, и он пропал. Ведь ты можешь. Или, еще лучше, ухвати его за руку и дерни, как я учил. Никто не заметит, а он останется без руки дней на пять. Ухвати с вывертом.

Негр Али слышал шепот судьи, но не мог вмешаться. Он понимал, что, даже в случае если будет применен запрещенный вывих руки, никто не посмеет возразить, а он, раб, и подавно.

Потом судья подошел к Али.

— Слушай,— сказал он.— Ты помнишь, что за победу обещано пятьсот золотых — половину того, что ты сам стоишь.

Наконец ударил барабан, и противники вышли на середину.

Одноглазый был в полтора раза тяжелее Махму-

да. Начинать борьбу за победу он решил с запрещенного приема. Перс долго отступал, норовя ухватить Махмуда за руку, и вот, выбрав удобный момент, рванулся вперед. Махмуд разгадал замысел врага. Он отскочил и, пока противник не оправился от промаха, вошел в ближнюю стойку. Так было безопаснее. Тогда перс решил применить кружение. Без особого труда он оторвал Махмуда от земли и закрутился с ним все быстрее и быстрее. Тела атлетов мелькали перед зрителями, а потом слились в один сплошной клубок.

Судьба Махмуда, казалось, была решена. Если кружение удалось, противника можно считать лежащим. Глухо топали ноги по упругому глиняному полу арены, слышалось пыхтение толстяка да побрякивание амулетов. Все остальные звуки замерли.

Вдруг перс выставил ноги, и оба борца рухнули па пол. Мгновение ничего не было видно, и правитель радостно вскрикнул.

Однако радость оказалась преждевременной. Лопатки хорезмийца не коснулись пола: он упал лицом вперед и, скользя, словно ящерица, выбрался из-под грузного противника.

Через несколько мгновений борцы вновь оказались в стойке. Опять началась разведка. Они ходили по арене, как тигры. На этот раз развязка наступила еще раньше. Вперед рванулся Махмуд. Теперь зрители увидели излюбленный прием хорезмийца. Это было то же самое кружение. Только Махмуд кружился куда быстрее и дольше. Слуга докладывал правителю:

— Он кружит полминуты! Минута! Две! Две с половиной!

Наконец Махмуд почувствовал, что еще немного -- и он не сможет удержать тяжелого перса. У про-

тивника, видимо, кружилась голова, и он потерял волю. Тогда Махмуд вывернул его в воздухе и кинул на арену лопатками вниз. Перс летел, словно камень из пращи. Он упал всей спиной, так что дожимать его не понадобилось. Пролежав неподвижно несколько долгих для зрителей и коротких для Махмуда секунд, борец встал, шатаясь, пересек арену, неуклюже перелез через барьер и, распихав зрителей, направился к выходу.

Зал бесновался. Восторженные крики смешались с воплями, что Махмуд не борец, а шайтан, что это дьявол, что это джинн, ибо человек не может совершить такое.

Правитель Тегерана подозвал Махмуда к себе:

— Скажи, пахлаван, приходилось ли тебе знать поражения?

— Пока нет.

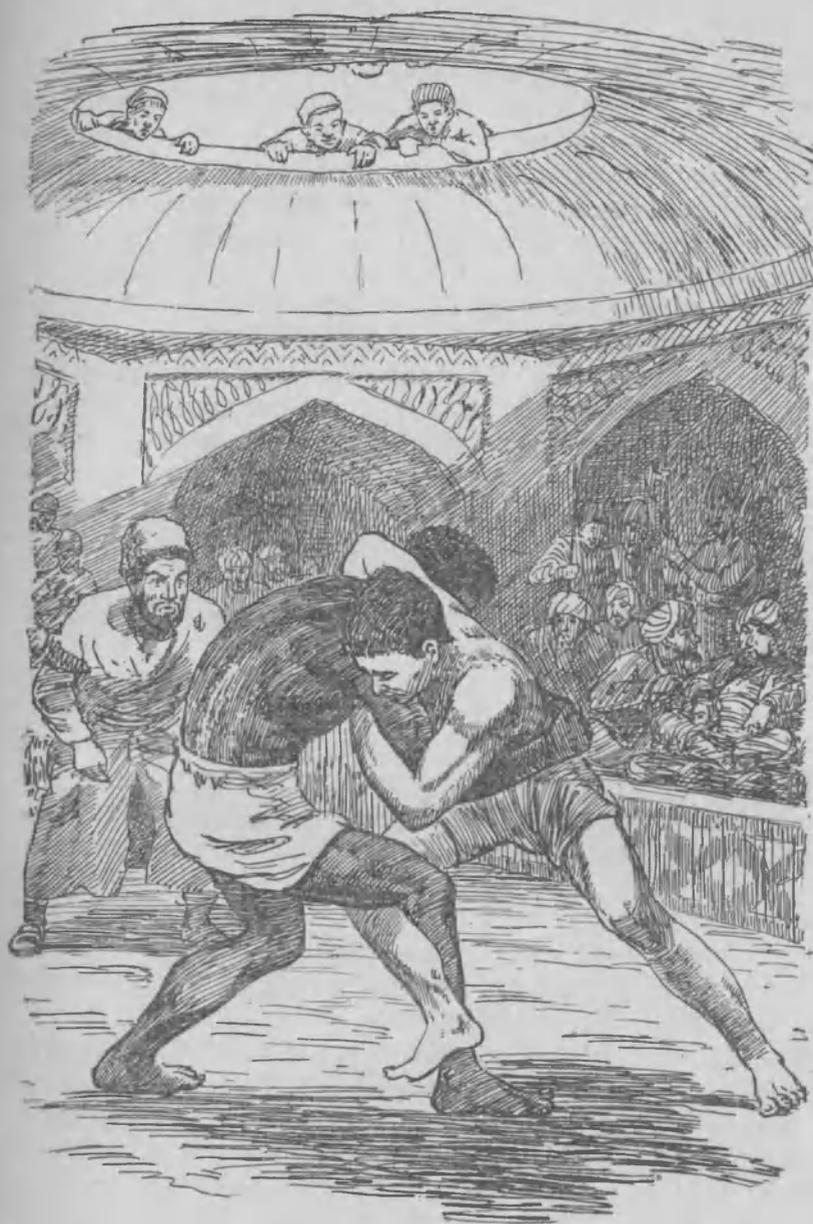
— А приходилось ли тебе встречаться с богатырем Палван-ата?

— Нет,— ответил Махмуд,— если не считать тех случаев, когда я смотрел в зеркало или в тихую воду колодца.

Правитель соображал не очень быстро. Он был последним, кто понял, что Махмуд и Палван-ата — одно и то же лицо. Но зато, когда понял, побледнел и затрясся в бессильной ярости.

— Ты обманул нас, нечестивец! Ты распустил слухи, что вид твой ужасен, что ты похож на ангела смерти, а ты простой человек... Раб,— крикнул правитель негру Али,— если проиграешь, закую в цепи! Иди.

Пожалуй, из всех сегодняшних противников Али был наиболее достоин сражаться с великим Палван-ата. Он был силен и ловок, гибок и хитер. Но Махмуд не растратил еще и части своих сил. Напротив, он

Махмуд решительно рванулся вперед...

чувствовал себя прекрасно. В десятой победе сомнения быть не могло. И все же поединок был упорным. Перевес клонился то в одну, то в другую сторону. Негр уже два раза коснулся рукой пола, но и Махмуд однажды с трудом избежал роковой подсечки. Борцы то сплетались в стремительной схватке, то расходились и стояли друг против друга, наклонившись голова к голове. Четыре руки: две черные, как ночь, и две темно-коричневые от загара — висели, словно упругие плети. Но вот Махмуд решительно рванулся вперед, и противник упал на одно колено.

— Раб,— завопил правитель Тегерана,— если ты ляжешь, я убью тебя! Если победишь, дам свободу.

Борцы вновь сошлись в тесную схватку, и Махмуд почувствовал, что тело противника чуть ослабело. Легкая дрожь охватила мышцы.

«Еще бы,— подумал Махмуд,— легко сказать: свобода или гибель».

Да, тело негра заметно ослабело. Крик тирана не придал ему новых сил.

Махмуд увидел мокрое от мгновенно выступившего пота лицо негра и его широко открытые глаза с синеватыми белками. Хорезмиец удобно захватил негра, ногой обвил его ногу, и все поняли, что судьба поединка решена. Зрители замерли.

Еще немного... и вдруг Махмуд повалился на арену, увлекая за собой противника. Хорезмиец упал спиной, и лопатки его плотно прижались к глиняному полу арены.

Никто не ожидал такого исхода. Негр, уже готовый к поражению и смерти, был изумлен больше других. Он медленно поднялся и, увидев лежащего на полу пахлавана, растерянно огляделся.

— Победа! — вопили придворные.

— Слава черномазому! — орали стражники.

— Слава аллаху! — провозгласил краснобородый судья.— Вознесите три молитвы!..

Из Персии через Кандагар лежала дорога в далекую Индию. Махмуд снаряжался в путь, когда во двор караван-сарая вошел негр Али. Он робко подошел к Пахлавану, долго мялся, не находя нужных слов, а потом решился.

— Я знаю, ты нарочно поддался мне, нарочно дал себя побороть.

— Нет,— ответил Махмуд.— У меня подвернулась нога.

— Зачем ты не хочешь сказать мне правду? — умолял Али.— Разве тебе не нужна моя благодарность? Разве ты не хочешь, чтобы я всю жизнь был твоим рабом и следовал за тобою повсюду?

— Нет,— ответил Махмуд.— Я не хочу, чтобы ты оставался рабом. Ты и так был им слишком долго. У меня просто подвернулась нога. Ты получил свободу и деньги, езжай на родину. Там твоя сила пригодится.

— Как хочешь,— грустно сказал Али.— Но я всегда буду помнить тебя и благодарить. Ты дал мне жизнь и подарил свободу.

Махмуд проводил чернокожего друга до западных ворот города и стоял на башне, пока тот не скрылся вдали.

Махмуд направился в Индию. Он выехал через восточные ворота, а ночью, на привале в степи, он расстелил кошму, лег, по привычке заложив руки под голову, смотрел на ясные звезды и долго не мог заснуть. Он думал о том, что иногда поражение приносит больше радости, чем победа, что не только в силе красота человека, и если ты оказал услугу товарищу, то не хвастайся этим и никому не говори, как было дело.

**КОШКА С МЫШЬЮ, КОШКА — ТИГР!
КОШКА С ТИГРОМ, КОШКА — МЫШЬ!**

Отрады сердцу нет иной,
чем ты, земля родная!

Зайн ал-Абидин Магарраи

Так, по следам, на многие века оставленным руками мастеров из Хорезма, Махмуд дошел до сказочной страны, что лежит к югу от ослепительных вершин Памира и Гималаев, до страны великих рек и непроходимых джунглей, до страны мирного и трудолюбивого народа.

Он вступил на многострадальную землю Индии.

В те времена Индия состояла из сотен княжеств, мелких и крупных царств.

Два года прошли, прежде чем Махмуд добрался до страны, которой правила молодая и красивая царица Ропой.

Мастера из Хорезма находились здесь. Об этом говорили вещи. Тысячи вещей. В домах висели хивинские ковры, уличные торговцы продавали цветы с подносов работы кятских медников и чеканщиков, женщины шли по воду с кувшинами, будто только вчера изготовленными в мастерских Ургенча.

Два года странствий по Индии не прошли для Махмуда даром. Он узнал много новых языков и наречий, научился разбираться в обычаях и нравах. Он не спрашивал, где хорезмийцы, а узнавал только, откуда их изделия. В течение трех дней Махмуд пересек страну царицы Ропой и дошел до столицы, где небольшой слободой на окраине жили его соотечественники.

Они попали сюда много дождей назад. Их обменяли на несколько пограничных селений, из-за которых издавна враждовали два соседних царства. Хорезмийцы не были теперь рабами. Они свободно жили на окраине города. Со всей страны ездили в ремесленную слободу за кувшинами, коврами, подносами и прочим товаром. Хорезмийцы пользовались уважением простых людей, но местные богачи относились к ним, как к низшей касте. Поэтому, а возможно, и по другим причинам они жили обособленно, сохранили язык и нравы своей родины. Их дети, подрастая, перенимали искусство отцов и матерей, и первые сказки, которые слушали малыши, были рассказами о далекой стране у мутной реки Аму-Дарьи.

В первое время жители слободы без конца рас-

спрашивали Махмуда о родных местах, о многочисленных родственниках: «Не видал? Не знаешь ли, как живут?» — да слушали затаив дыхание его рассказы.

Махмуд не говорил о цели своего приезда. Зачем зря волновать людей? Он и сам не знал, как ему удастся выполнить клятву и вообще сможет ли он это сделать.

Есть великое человеческое чувство — тоска по родине. Кругом расстилались непроходимые, вечнозеленые леса, на диковинных деревьях росли замечательные плоды, земля давала обильные урожаи хлеба и риса, а хорезмийцы все от мала до велика хотели назад — в пустынную, выжженную солнцем степь, туда, где каждый клочок каменно-твердой земли нужно взрыхлить деревянной сохой и напоить из собственных рук, прежде чем она отдаст человеку скудный урожай.

— Ах,— жаловался седобородый чеканщик своему внуку, рожденному на чужбине,— здесь все не так, как у нас. Здесь даже кошки говорят по-другому. У нас в Хорезме они кричат «мяу-мяу», а здесь «миоу-миоу».

— Похоже немного,— ответил малыш, чтобы успокоить старика.

— Похоже, да не так,— вздохнул дед.— И лесов у нас нет, а степь. Все видно. Видно, как караван идет, как солнце садится.

— А как солнце садится? — спросил внук.

— Тебе не понять. Это надо самому видеть. Вот если попадем обратно в Хорезм...

Возвращение на родину было мечтой каждого, но мечтой несбыточной и потому острой, болезненной и неотвязной. Посудите сами, какой царь отпустит из своего государства таких умелых работников, добытых дорогой ценой.

«Надо потихоньку ковать оружие»,— решил про себя Махмуд и пошел подручным к кузнецу.

Ничто так не помогает в беде, как упорный труд. С утра до ночи махал богатырь молотом, ковал мотыги, петли для ворот и дверей, охотничьи ножи и все, что ни заказывали. Кузнец был доволен ловким и сильным молотобойцем. Тайком они стали ковать оружие. Они вставали до зари, трудились до глубокой ночи и очень уставали, но всякий раз, кидая раскаленный меч в бочку с водой для закалки, с радостью слушали шипение. Долго нужно было работать, чтобы всех мужчин-хорезмийцев снабдить оружием. Ведь их было теперь больше тысячи, а кузница в слободе одна.

По ночам из хижины кузнеца раздавалось странное посвистывание: сиу-сиу, сиу-сиу,— мастера точили оружие.

В подземелье под домом накопилось всего тридцать мечей, когда в городе начали распространяться какие-то смутные слухи.

Тревога началась во дворце царицы Ропой, среди придворной знати и богатых купцов, потом она пришла и в кварталы рабочего люда. Слухи были разносчивы, но никто не сомневался, что беда близко. В особняках срочно упаковывали сундуки, а ростовщики ездили по городу, спешно выколачивая долги. Это было самым верным признаком надвигающегося несчастья. Так повелось издавна: если грозило наводнение или война, богатеи собирали свою жатву заранее, чтобы с деньгами укрыться в горах, в далеких пещерах.

На этот раз наводнения быть не могло. Дожди кончились, наступила весна. Деревья и поля зацвели новыми цветами, новая зелень пробивалась сквозь потемневшую старую, новые, свежие запахи побеж-

дали тяжелые туманные ароматы дождливой зимы. Время паводков прошло, и наводнения быть не могло. Значит, война!

Вскоре с окраины царства в столицу прибыли первые беженцы. Они рассказывали страшные новости.

Из-за гор в мирную долину двигалось огромное войско. Это были хашишины. Те самые хашишины, которых на востоке боялись все. Хашишины-убийцы, хашишины-стеклянноглазые, хашишины, не знающие страха.

Махмуд много слышал о хашишинах. Они ходили в бой пьяными от какого-то особого вида гашиша, который собирали для них тысячи рабов.

Однажды во время своих странствий Махмуд видел, как это делается.

На поле среди высокой конопли ходят голые люди, с телом, смазанным розовым маслом. Люди ходят и ходят, а стебли конопли хлещут их по жирной коже, оставляя на ней мелкую ядовитую пыльцу. Потом надсмотрщики деревянными лопаточками скребут их тело — снимают пыльцу вместе с маслом, смешивают буроватую массу с каким-то секретным составом и катают из нее булки и лепешки. Этот товар запаковывают в корзины и куда-то отправляют. Достаточно съесть небольшой кусочек такой лепешки, и человек становится пьяным. Ему начинает казаться, что он самый сильный, исчезает страх, а глаза останавливаются, зрачки расширяются.

Перед боем начальники раздавали воинам по куску лепешки, и тогда ни одно войско не могло противостоять опьяненным разбойникам. Недаром говорится: пьяному море по колено.

Дурная слава о хашишинах неслась далеко впереди их войска, и армии многих государств разбежались при их приближении.

Так получилось и при появлении хашишинов на границах царства Ропой. Сторожевые посты погибали в первых же схватках; жители бежали в джунгли.

Гвардия, приученная только к парадам и охране дворца, надела новые мундиры и браво маршировала по столице, но все знали, что гвардейцы вместе со знатью и вельможами скоро уйдут в горы.

Для богатых нашествие хашишинов было менее опасно. Они могли скрыться с деньгами и ценностями, а после того как хашишины, разграбив страну, уйдут дальше или уберутся восвояси, купцы, ростовщики и землевладельцы вновь вернуться в свои особняки и дворцы, и все пойдет по-старому.

Для бедного люда нашествие врага означало гибель урожаев, разграбление хижин, пожары, убийства и угон в рабство. Поэтому на окраинах столицы среди жителей ближних селений зрело твердое решение: защищаться.

Ремесленники и крестьяне послали выборных для переговоров с царицей. Нужно было достать оружие. Хорезмийцы от своей слободы единодушно выбрали Махмуда.

На площади, перед роскошным беломраморным дворцом с золотыми письменами и барельефами священных животных на фронтоне, толпились слуги, стояли повозки и парчовые паланкины. Гвардейцы, прислонив свои пики к колоннам или бросив их на ступенях, помогали выносить из дворца сундуки, окованные медными полосами, ларцы с драгоценностями и кожаные мешки с деньгами.

Царица Ропой сидела на троне, который еще не успели погрузить, и по ее красивому лицу катились слезы.

Выборные без помех приблизились к ней. Царица обернулась, и все, кроме Махмуда, упали на колени.

— О великая царица! — воскликнул старейшина делегации. — Мы пришли узнать нашу судьбу. Неужели наши владыки покинут нас?

— Не знаю, ничего я не знаю, — всхлипнула царица Ропой. — Мои военачальники говорят, что нужно скрываться. Никто не хочет воевать с хашишинами.

— Почему никто? — вмешался Махмуд. — Мы будем защищать страну.

— Ты чужеземец, — ответила царица. — Ты даже не пал ниц передо мною. Что ты знаешь о хашишинах? Никакая сила не может противостоять этим безумным дикарям.

— Безумию всегда противостоит разум, — возразил Махмуд. — В моей стране есть поговорка: кошка с мышью, кошка — тигр; кошка с тигром, кошка — мышь. Видно, хашишины не встречались еще с тигром, поэтому они смелы. Дайте нам оружие, и мы защитим страну.

В другой раз царица, возможно, и задумалась бы над такой просьбой, но теперь ей все было безразлично.

— Берите, — сказала она и опять залилась слезами. — Берите! Все равно мы не сумеем его вывезти.

— Дайте мне пятьдесят самых трусливых гвардейцев, — неожиданно сказал Махмуд.

— Берите, — согласилась царица.

К вечеру город опустел. На мощеных улицах богачей валялись обрывки веревок и стояла мебель, окна и двери особняков были наглухо заколочены. На окраинах, напротив, жизнь была ключом. Здесь собиралось ополчение.

Царица Ропой сидела на троне и по ее лицу катились слезы.

Махмуд на лошади носился по улицам и распоряжался:

— Пусть женщины и дети временно уйдут в соседнее селение. Главный бой мы дадим в городе... Ополченцам разбиться на сотни и десятки и к утру занять сады и парки, примыкающие к дворцу... Сто самых метких молодых лучников сейчас же пойдут со мной.

В сумерках навстречу хашишинам вышел отряд человек в сто пятьдесят. Впереди шла полусотня гвардейцев в ярких мундирах с разноцветными султанами на шапках. Сзади шагали ремесленники с луками и колчанами стрел.

План Махмуда был не прост. Он основывался на том, что хашишины, опьяненные своим проклятым зельем, страшны в течение трех-четырёх часов. После этого наступает тяжелое похмелье. Значит, надо растянуть сражение самое малое на пять-шесть часов.

Хашишины остановились на берегу реки, чтобы утром перейти на другую сторону и двинуться к столице, до которой было полдня пути. Но чуть забрезжил рассвет, как их начальники увидели на противоположном берегу значительное войско. Из чащи джунглей в разных местах то и дело показывались гвардейцы и простые воины. Индийцы, видимо, решили дать бой на берегу.

Хашишинов было тысяч десять, а то и пятнадцать. Они удивились такому обороту дела, но, вполне попятно, не испугались. Им быстро раздали порции зелья, и разбойное войско вступило в реку. Хашишины шли вброд, распевая песни и нимало не смущаясь тем, что на них летел град стрел. Переступая через трупы, черной лавиной двигались они навстречу смерти.

Махмуд стрелял из лука, стоя по колено в воде, и,

когда хашишины подошли совсем близко, дал команду отступить в лес. Ополченцы, не потеряв ни одного человека, мгновенно скрылись в джунглях, а гвардейцы еще раньше, не дожидаясь команды, бросились по дороге к городу.

Первая часть плана удалась.

Хашишины не пошли в джунгли. Они стали преследовать быстроногих трусливых гвардейцев. Тысячи пьяных разбойников гнались по пыльной дороге за полусотней насмерть перепуганных воинов царицы.

Солнце померкло от пыли, поднятой погоней, ночные звери просыпались в джунглях от сумасшедших воплей, а по кратчайшей лесной тропе спокойно двигался к городу отряд лучников.

Гвардейцы неслись, словно олени от волков. По дороге они сбрасывали с себя мундиры и золоченые шапки, многие разулись и мчались босиком. Хашишины мчались следом. Они торжествующе улюлюкали, свистели и толкались, глотая пыль.

Солнце поднялось, и жара становилась нестерпимой, когда преследуемые и погоня ворвались в опустевший город. Гвардейцы пронеслись сквозь него, как пушечное ядро, а хашишины бежали далеко не так прытко, как начали гонку. У них начиналось похмелье, и давала себя знать усталость. У тяжелых ворот дворца погоня остановилась. Привычка к грабежу тоже сказала, да и зачем преследовать противника, если он уже сдал столицу. Хашишины ворвались во дворец и особняки вельмож. Начался грабеж.

Час или два в центре города еще слышались радостные вопли хашишинов да звуки взламываемых дверей и сундуков, а потом разбойников сморил сон.

И тогда над молчащим городом раздался удар гонга. Из канав, из-под мостов, из парков, из подвалов и погребов двинулись к дворцу и особнякам сотни вооруженных людей. Вначале они крались вдоль заборов и осторожно вползали в дома, потом, увидев, что хашишины спят, не выставив караула, ополченцы пошли во весь рост.

Разбойники разместились во дворце. Туда с отборными воинами из хорезмийской слободы ворвался Махмуд. Хашишины спали там, где их свалила усталость и мутное похмелье. Одни добрались до царских покоев и нежились на перинах, другие спали в залах на мраморном холодном полу, третьи заснули в ажурных беседках парка.

Спал и главный военачальник хашишинов — длиннорукий, похожий на обезьяну Али-ага. Это был старый разбойник. Он не ел гашиш, как другие. Он заснул от усталости.

Справедливое возмездие настигало разбойников там, где их застал сон. Кое-кто, правда, успевал проснуться, но тут же падал под сокрушительными ударами сабель и кинжалов.

Али-ага с десятком телохранителей забрался на галерею под купол танцевального зала царицы и отчаянно сопротивлялся. Галерея была узка, и каждый, кто пытался проникнуть под купол, падал, сраженный кривыми ножами хашишинов.

— Пустите,— крикнул Махмуд,— не подходите к ним! Я сам.

Он рванулся вверх по лестнице, но через мгновение скатился вниз: из его левого плеча текла кровь, медленно окрашивая одежду.

— Ах так...— прошептал он.

Вдоль стен зала были расставлены медные, бронзовые и гранитные боги.

— Ах так...— повторил Махмуд и стал швырять богов на галерею.— Должны же боги на что-то согдаться,— приговаривал он, с силой кидая тяжелых идолов на верхнюю площадку галереи.

Сначала он кидал тех, что полегче, потом стал швырять без разбору. Хашишины увертывались и прятались за выступы. Казалось, что конца не будет этому занятию, как вдруг что-то затрещало и галерея рухнула под тяжестью двух десятков увесистых индийских богов.

...Луна в ту ночь вышла из-за гор тоненькая и прозрачная. Она вышла поздно, когда бой в городе уже затих.

Царица Ропой с придворными вернулась через несколько дней. На главной площади перед дворцом чествовали героев гвардейцев, удравших с поля боя. В толпе ремесленников стоял Махмуд и улыбался тому, с какой важностью получали награды те, кто совсем недавно сверкал пятками на пыльной дороге.

— А где этот, который...— спросила царица,— ну, который... Такой... Я с ним говорила в тот страшный день.

Придворные засуетились. Они не запомнили человека, разговаривавшего с царицей в день бегства. Только гвардейцы знали Махмуда в лицо. Гвардейский офицер, командовавший полусотней, указал царице на Махмуда.

— Подойди сюда!— приказала царица.— Ты сражался, как тигр, и заслужил нашу милость. Хочешь, я присвою тебе титул царского тигра?

— Я не тигр,— засмеялся Махмуд.— Я скорняк. Я шубы шью.

— Мне не известно, что такое скорняк и что такое эти шубы,— сказала царица Ропой.— Но я желаю наградить тебя. Хочешь, я сделаю тебя начальником всей моей доблестной гвардии или губернатором любой из провинций. Проси! Ни в чем тебе не будет отказа.

— Если вы действительно хотите исполнить мою просьбу,— сказал Махмуд,— то отпустите моих соотечественников-хорезмийцев на родину.

Царица задумалась.

— Отпустите и снабдите всем необходимым на дорогу,— более уверенно повторил Махмуд.— Отпустите, а то сами уйдут: ведь теперь у них в руках оружие и их поддержат друзья — ваши подданные. Отпустите, ваше величество.

— Пусть будет по-твоему,— помедлив, согласилась царица Ропой,— пусть будет так. Но у меня во дворце разрушения. Говорят, что в этом виноват ты: пусть твои соотечественники уходят, а ты останешься здесь до тех пор, пока не починешь галерею и все остальное.

Царица рассердилась, подобрала свои парчовые одежды и прошла в дворцовый парк.

По аллеям, распуская свои золотистые с бирюзой хвосты, расхаживали гордые своим оперением павлины. Цвели гигантские алые и оранжевые цветы. Стеклянные струи фонтанов вдребезги разбивались о холодный мрамор.

Царица была огорчена.

— Ах, как здесь неудобно,— сказала она придворному садовнику.— Надо сделать так, чтобы ничто не напоминало мне об этих хашишинах и ремесленниках.

...Вскоре весь город провожал в дальний путь караван хорезмийцев. А Махмуд должен был остаться.

Конечно, он мог попросить своих друзей подождать его, но отсрочить отъезд боялись все. Ведь капризная царица в любой момент могла отменить свое решение.

— Я догоню вас,— пообещал Махмуд.

Много пришлось Махмуду поработать, чтобы дворец вновь обрел свой прежний вид. Вместе с лучшими мастерами он тесал мрамор, резал и шлифовал слоновую кость, заново отстроил галерею в танцевальном зале. Он сделал бы это много быстрее, если бы царица не отвлекала его беседами. Она задерживала Махмуда под разными предложениями. Сила, знания и ум хивинского богатыря могли очень пригодиться ей и в защите царства от новых нашествий, и в управлении страной. Она сулила Махмуду самые большие должности в государстве, деньги, славу и почет, предлагала дворцы и поместья. Она даже обещала выйти за него замуж и сделать скорняка царем. А Махмуд в ответ на заманчивые предложения рассказывал ей, как выдělывают меха, как шьют шубы и для чего они нужны в стране, где зимой холодно и выпадает снег. Но ни единым словом не обмолвился он о дорогих ему людях, что ждут его возвращения. Зачем раскрыть сердце перед царицей, которая все равно не поймет простых человеческих чувств!

Наконец своенравная царица убедилась, что удержать Махмуда не удастся, и отпустила его.

ПИСЬМО, КОТОРОЕ НЕ СТОИЛО ПИСАТЬ

..Наступил рамазан.
И вот
Опустел надолго живот...

*Октай Рифаг,
современный турецкий поэт*

Махмуд еще бродил по Индии, когда в Хиве стали распространяться слухи, что он вернулся.

Получилось это потому, что хивинцам очень не хватало веселого шубника. Чем дольше он отсутствовал, тем чаще его вспоминали. Шейх Сеид-Алаветдин строго-настрога запретил произносить имя врага веры. За это казнили, налагали штрафы, выгоняли из Хивы. Но как только произносить имя Махмуда

стало запрещено, о нем начали говорить особенно часто. Правда, самого имени не произносили, а только намекали.

— Да, был смелый человек в Хиве! — с тоской восклицали одни.

— Помните, что он сказал, когда отказался шить шубу нашему шейху? — спрашивали другие.

— А про мост Сират?

— А про лекаря?

И люди хохотали.

Шейх становился все злее и злее. Доносчики получили приказ ежедневно сообщать все, что они слышат о Махмуде; двух с позором уволили за нерадивость, а одного даже наказали плетьюми. Шейх требовал обширных доносов. Между тем доносчики и соглядатаи работали действительно плохо. В Хиве все их знали и сторонились. Только изредка удавалось узнать какую-нибудь из ходящих в народе присказок Махмуда, но они думали, что это очень новые и ценные сведения, и спешили во дворец. Иногда, чтобы выслужиться, озлобленные доносчики сами придумывали шейху оскорбительные клички и сваливали это на Махмуда.

Мулла Мухтар каждые пять дней доносил шейху о том, что говорят в народе. Эти донесения содержали такое количество оскорблений, открытых насмешек и скрытых издевательств, что Сеид-Алаветдин надолго терял сон и аппетит. Он даже решил было не слушать муллу, но этого он никак не мог сделать. Шейх слишком привык к доносам. Они больше не доставляли ему удовольствия, но отвыкнуть ему просто не удавалось.

Недаром говорят: «Привычка — вторая натура».

Однажды шейх решил задобрить хивинский люд. В дни больших праздников он стал раздавать мило-

стыню на базаре, а чтобы не обеднеть от милостыни, увеличил налог за посещение мечети. Милостыню он раздавал раз в месяц медными деньгами, а налог собирал раз в неделю — серебряными.

Простые люди от такой милостыни становились все беднее и беднее, и кто-то вспомнил слова Махмуда-Пахлавана о том, что правитель, наполняющий свою казну имуществом подданных, похож на глупца, который мажет крышу своего дома глиной, взятой из-под фундамента.

Чтобы пресечь оскорбления священной персоны шейха, во всех мечетях по пять раз в день повторялись слова о том, что шейх святой, добрый и мудрый, напоминалось и о его паломничестве в Мекку. Но и это не помогало. Тогда Сеид-Алаветдин обратился к наместнику, дабы тот разрешил ему заблаговременно поставить себе памятник — величественную гробницу. По мнению шейха, памятник, поставленный при жизни, должен внушать уважение.

На западной стене гробницы Сеид-Алаветдин приказал сделать надпись, свидетельствующую о его святости: «Некоторое время шейх жил в Мекке и наконец направился сюда».

Надпись сделали, но шейх вскоре очень пожалел об этом.

Соглядатаи стали доносить о каких-то оскорбительных для шейха стихах. Произнести эти стихи никто не решался.

Среди хивинцев они распространялись по секрету и скоро стали известны всем. Даже думать об этих стихах было строго-настрого запрещено, именно поэтому каждый повторял их про себя и читал другим только на ухо.

Говорить что-то «по секрету» — верный способ сделать тайну доступной всем.

Можно выйти на улицу и во всю глотку кричать, что такой-то подлец и дурак,— люди не обратят на вас внимания, но скажите то же самое на ухо, попросите никому не передавать, и вы увидите, что получится.

Так получилось и в этот раз. Вскоре все, кроме самого шейха, знали таинственные стихи.

Сеид-Алаветдин утешался лишь в те утренние часы, когда, прильнув к щели в воротах дворца, любовался надписью: «Некоторое время шейх жил в Мекке и наконец направился сюда».

Но однажды утром кто-то дерзкий лишил шейха последнего утешения. Под изящной надписью появились стихи Махмуда-Пахлавана, грубо выведенные толстой кистью, которую, не жалея, макали в колесную мазь:

Пускай не говорят, что в Мекку путь святой.
Шейх наш драконом стал, а раньше был змеей.

Это были стихи Махмуда, только вместо слова «мулла» во второй строчке смельчак написал слово «шейх». Но Сеид-Алаветдин понял это по-своему. Он решил, что Махмуд скрывается в Хиве или где-то поблизости.

Начались поиски. Стражники хватали хивинцев по первому доносу.

Арестованных пытали в подземельях, били плетями, вырывали ногти, жгли каленым железом. Но никакие пытки не помогали. Никто не сознавался в том, что видел Махмуда. Ведь его действительно не было в Хиве.

За домом шубника стали неусыпно следить, высматривали, кто там бывает и куда ходит мать Махмуда. Однако и это не дало никаких результатов. Никто, кроме базарного мальчишки Юсупа, носивше-

го матери Махмуда еду, и сборщика податей, уносившего из дома вещи, не заходил в дом.

Главный доносчик — мулла Мухтар решил, что все зло в том, что люди помнят Махмуда.

— Нужно искоренить память о враге веры, — сказал он шейху. — Мать шубника верует в аллаха. Мы убедим ее, что во искупление грехов сына она должна уморить себя голодным постом, а после этого снесем проклятый дом и насадим на этом месте джугару.

Мулла Мухтар давно мечтал присоединить к своему саду участок земли, принадлежащий Махмуду.

Наступало время великого поста — ураза. В это время в течение целого месяца от утренней зари до захода солнца мусульманам запрещается есть и пить. Вместо этого верующий должен повторять молитву: «Я голодаю в месяц рамазана от зари и до зари ради аллаха всевышнего». Только ночью правоверный может поесть и напиться.

Мулла Мухтар зачастил в дом Махмуда. Он уговаривал старую женщину, обещал райское блаженство на небе для нее и прощение грехов ее сыну, если она во время поста вовсе откажется от еды и будет только пить.

— Лучше даже и не пить, но аллах милостив и примет от тебя половину жертвы, — говорил мулла.

Коварный замысел муллы Мухтара удался. Наступил пост, и старая, слабая женщина вовсе отказалась от еды. Юсуп носил ей лепешки, фрукты и плов, но она ничего не брала в рот и старалась даже не пить.

— Я не для себя стараюсь, — говорила она Юсупу. — Аллах видит: не для себя, а для Махмуда. Ты не плачь, глупый. Чего ты плачешь?

— Помрете же,— всхлипывал Юсуп.— У меня матери нет, привык я к вам...

— Ничего,— утешала его набожная женщина.— Я помру и попаду в рай, а Махмуду на земле будет хорошо.

— Не будет ему хорошо,— плакал мальчик.— Мне плохо без матери. Почему же ему хорошо будет?

Однажды вечером, когда Юсуп принес свежие пирожки с мясом, которые ему сунула Таджихон, он увидел, что мать шубника умерла. Старушка лежала под деревом, маленькая и сухонькая, и лицо ее было счастливым-счастливым, каким Юсуп его никогда не видел. Видно, умирая, она думала, что искупила вину сына перед милостивым аллахом.

«Может быть, так оно и есть»,— подумал Юсуп, но наутро во время молитвы в мечети мулла Мухтар сказал, что аллах покарал мать грешника и она падет в ад.

«Мулла ближе знает аллаха,— решил Юсуп.— Зря уморила себя голодом эта хорошая женщина».

Дом и мастерскую, где жил Махмуд, забрал мулла Мухтар, имя шубника вновь было предано проклятию в семи мечетях, но память о нем все-таки никак не умирала.

Доносчики рыскали по базарам и мастерским, по дворам и караван-сараям, муллы и ишаны проклинали Махмуда с утра до вечера, стражники хватали каждого, кто подозрительно смеялся или даже улыбался неизвестно почему. Впрочем, хватали не только тех, кто смеялся. Хмурившимся тоже было плохо.

Юсупу было лучше, чем взрослым. У него было больше дел и меньше забот. Дела были такие: с утра он отправлялся на базар, помогал сгружать товары и бегал куда пошлют. В полуденную жару он наби-

рал в бурдюк студеную воду или холодный чай и продавал.

Тетка, у которой жил Юсуп, часто уезжала в гости к дальним родственникам, и вечер он привык проводить в доме Насыр-ата. Он помогал по хозяйству, слушал, что говорят старшие, и разглядывал огромный жернов, который Насыр-ата перевернул так, чтобы совсем не было видно надписи, оставленной Махмудом.

Насыр-ата был не из тех хивинцев, кто смеялся в лицо сыщикам и муллам. Он хмурился и за это тоже попал на заметку.

Старая народная пословица говорит: «Беда без муллы и в ворота не войдет, а с муллой в калитку проскочит».

Беда пришла вместе с редкозубым, хитроглазым муллой Мухтаром.

Мулла Мухтар разбогател и решил обзавестись четвертой женой. Неведомо кто донес ему о красоте Таджикион, и он явился свататься. Вернее, не свататься, а торговаться. Ведь в те времена невесту можно было купить за деньги или обменять на коров или на баранов.

Насыр-ата долго уклонялся от прямого ответа, но мулла понимал это как уловку, чтобы повысить цену. Он обещал десять халатов и две коровы, потом пятнадцать халатов и три коровы, а когда старый скорняк отказался продать дочь за семнадцать халатов, трех коров и одну лошадь, мулла Мухтар понял, что его здесь не любят.

— Ах так! — пригрозил он. — Пожалеешь! Я сам сдеру с тебя три шкуры и еще пять шкур, ибо ты безбожник и не хочешь уважать меня. Я разорю тебя, а дочь продам наместнику или сделаю своей рабыней.

Мулла Мухтар пыхтя поднялся с подушек и вышел во двор. Он внимательно оглядел дом, пересчитал деревья в садике и вдруг увидел жернов.

— Интересно,— спросил он,— зачем скорняку жернов? Уж очень он похож на игрушку, которой забавлялся Махмуд. Не он ли оставил его здесь, а?

Мухтар направился к выходу в тот самый момент, когда в калитку влетел Юсуп. Мальчик поклонился мулле, будто собирался боднуть его в живот, и краем глаза увидел злобную усмешку на перекошенном лице главного доносчика.

Вечер в доме скорняка был похож на ночь. Угрозы всесильного и хитрого Мухтара сулили семье Насыр-ата многие несчастья. Это стало ясно даже беззаботному Юсупу.

За весь вечер старик сказал только одну фразу, да и ту не договорил до конца:

— Эх, если бы Махмуд вернулся...

На следующий день мысли Юсупа крутились вокруг этих слов.

«Эх, если бы вернулся дядя Махмуд!» — думал он. Юсуп не знал, как это может случиться. Вот если бы найти волшебника, который сделал бы голос Юсупа таким громким, чтобы дядя Махмуд в дальних странах услышал его... Или чтобы волшебник слетал к дяде Махмуду и передал письмо. Юсуп мог бы все написать: и про смерть матери, и про притеснения бедняков, и про угрозы муллы Мухтара. Правда, писал он с ошибками, но дядя Махмуд, наверное, не обиделся бы.

Но в Хиве не было таких волшебников, чтобы помочь Юсупу.

Не было тогда ни радио, ни телефона, ни телеграфа. Даже обыкновенной почты не было в Хиве. Поэтому письмо писать не имело никакого смысла.

ДОМОЙ!

...И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе¹.

Омар Хайям

Махмуд спешил на родину, но по дороге ему не раз приходилось задерживаться и сворачивать в сторону. Он освободил население целой области от налога, который собирал обманщик-мулла, обосновавшийся вблизи поющих пещер Памира. Он провел неделю в городе Мерв, чтобы переписать стихи замечательного поэта Омара Хайяма. В долине реки Вахш

¹ М и х р а б — ниша в одной из стен мечети, показывающая, в какую сторону верующие должны кланяться.

он убил тигра-людоеда, уносившего в камыши неосторожных селян и их детей. Многое можно рассказать и о других приключениях, но это была бы отдельная книга.

Так или иначе, но Махмуд отстал от своих соотечественников. Он задержался на много лишних дней и сделал много лишних дорог, потому что настоящий человек, как бы он ни был занят своими делами и куда бы ни торопился, никогда не останется равнодушным и не пройдет мимо человеческого горя.

На полдороге к дому стало ясно: хорезмийцев не догнать. Они намного опередили Махмуда, и он пожалел, что не передал с ними весточку для матери.

Предстояло пересечь последнюю пустыню, и он был рад, когда нашел попутчиков — караван, идущий из Самарканда в Золотую Орду.

Караван был большой, но разноплеменные караванщики, люди бывалые, легко подружились.

Есть обычай не спрашивать человека, приставшего в пути, кто он и откуда. Дорога длинная. Можно и без расспросов человека понять. Так оно приличнее, да и ошибки не будет. Ведь главное не то, что люди говорят о себе.

Махмуд-Пахлаван был хорошим товарищем в длинной дороге. Человек ученый, на многих наречиях говорит, интересные истории рассказывает, а в обхождении простой, незаносчивый. Если нужно костер развести, первый за саксаулом и сухой колючкой идет, больше всех притащит и огонь разведет мигом.

У караванщиков поговорка сложилась: «Богатого кушца узнаешь по товару, а хорошего человека по его делам».

Только три человека во всем караване говорили о себе. Их никто не спрашивает, а они рассказывают. Ну, раз говорят — не слушать невежливо. Слушают

караванщики, но не очень-то верят. Каждый из них про себя говорит, что он самый умный, самый нужный.

«Что же, — думают караванщики, — ум — дело глубокое, может, и не сразу его заметишь, а насчет нужности так, видно, врут».

Ненужные люди. Караван на ночлег становится, а они споры между собой разводят. Люди кошмы растилают, а они всё спорят. Дело к ночи, путники устали, а они шумят, спать не дают. Странные люди, и совсем по обличью разные. Один — длинный, худой. волосы и борода рыжие, другой — маленький, чернявый, с длинным носом, а третий — пузатый, краснощекий, с редкой бородой.

Однажды на рассвете, когда все спали, эти трое опять заспорили, такой шум подняли, что староста каравана не выдержал. Подошел он к ним и спросил:

— О чем вы спорите, почтенные путники? Почему вы всю дорогу людям отдыхать не даете? Слышим мы ваши разговоры, непонятны они нам. Расскажите, если не тайна это.

— Наконец-то! — радостно закричал Рыжий. — Наконец-то господь бог пробудил в этих невеждах жажду истины небесной. Дело в том, — гордо сказал он, — что я слуга настоящего бога — Христа и его наместника на земле — папы римского. Я утверждаю, что бог един и поклоняюсь матери божией!

Староста подумал, что матерей уважать хорошо, но зачем в такую рань на всю степь кричать про какого-то наместника. Если он слуга наместника, то наместник, наверное, за шум и прогнал его в пустыню.

Не успел староста каравана разобраться в этих словах, как Пузатый тонким голосом закричал:

— Врет он все и про папу, и про мать. Нет бога, кроме аллаха. Я это точно знаю. Я ученый эфенди. Я прочитал книг больше, чем они. Моя вера единст-

венная. Этот про мать божью лопочет, а какая у бога может быть мать? Бог не человек! — закричал он еще громче. — У него матери быть не может!

Что бог не человек, — это староста каравана понял уже давно, когда был еще простым погонщиком. Заблудился он однажды в пустыне, просил бога колодец ему указать. Плакал, пока слезы были, просил так, что всякий человек сжалился бы. А бог не сжалился. Так и умер бы он в песках от жажды, если бы добрые люди, что гнали баранов через степь, не спасли. Кто знает, может быть, и склонился бы староста на сторону Пузатого, но тот сказал:

— Мой бог для степных людей самый добрый. Его пророк Мухаммед всю жизнь в пустынях провел.

«Ну, уж это он врет», — подумал староста и вспомнил, как умирал в степи, как умолял аллаха. Только он хотел рассказать об этом Толстопузому, как вмешался Носатый:

— Я слуга пресветлого Будды, я верю только Гаутаме-Сиддхартхе. Он говорит, что смысл жизни в отказе от нее, что блаженны только монахи, которые ничего не делают, а все прочие должны нас кормить.

— Насчет корма он правильно говорит, — подтвердили Рыжий и Пузатый. — А остальное все врет.

Буддийский монах закатил глаза и принялся ругать и обзывать лжецами и жуликами двух других божьих слуг. И такой все трое подняли крик, что весь караван собрался вокруг них.

Скоро уже вообще ничего нельзя было понять. Верблюды лениво смотрели на спорщиков и распускали слюни от удивления; когда крики монахов слились в невообразимый вой, заревели все ишаки.

Староста стоял в середине толпы и задумчиво чесал затылок. Вдруг кто-то тронул его за рукав.

— Солнце уже высоко, — сказал Махмуд-Пахла-

ван.— Пора двигаться дальше. Они спорят уже давно и будут спорить до тех пор, пока находятся глупцы, которые им верят.

— Поехали,— сказал староста.

Караван погрузился и двинулся в путь.

Мерно шагают верблюды, позвякивают колокольчики, семят ушастые ишаки, светит жаркое солнце; идет и идет караван. А сзади все доносятся крики трех спорщиков, оставшихся у колодца. Далеко ушел караван, и с высокого холма в долине у колодца караванщики увидели трех монахов, машущих руками и доказывающих что-то друг другу.

— Скажи, о мудрый путник,— спросил староста Махмуда,— кто эти три странных человека?

— Мошенники! — ответил Махмуд.— Разве ты не слышал, как они врут?

— Конечно,— согласился староста.— Все они говорят, что они чьи-то слуги. Но какой хозяин станет держать таких бездельников и крикунов.

— Кто знает,— задумчиво сказал Махмуд.— Может быть, он такой же, как и его слуги, а скорее всего, ты прав: нет у них никакого хозяина.

Чем ближе подъезжал Махмуд к родному Хорезму, тем больше волновался. Чужало ли сердце беду, или, вдыхая знакомые запахи степей, он сильнее тосковал по родине, но ему все казалось, что верблюды идут лениво, что привалы слишком длинны, а солнце слишком медленно движется по небосводу.

Когда до Хивы оставалось три дневных перехода, Махмуд не выдержал, распрощался с караванщиками и один уехал вперед. В первом же кочевье он обменял медлительного верблюда на быстрого туркменского коня и поскакал по степи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Для того, кто выполнил обет,
Никаких преград на свете нет!

Из стихов неизвестного поэта

Обычно караваны приходят в город вечером, когда солнце на западе уже окунулось в песок, а огромный караван с хорезмийцами пришел в Хиву за час до рассвета. Видно, люди отказались от последней почевки и двигались без передышки с прошлого утра.

Никто не встречал усталых путников. Сонные стражники у городских ворот подняли тревогу, а пока начальники разбирались, что к чему, вся Хива уже

вышла на крепостной вал и улицы были запружены толпами. Из уст в уста передавалась невероятная, радостная весть: вернулись те, кто больше сорока лет назад были захвачены монголами и проданы в дальние страны. Вернулись те, кого ждали и на чье возвращение уповали бесчисленные родственники и друзья, те, кого ждали долго и почти безнадежно.

Правда, не все вернулись после сорока лет. Многие погибли во время странствий или умерли на чужбине от старости и болезней. Зато вернулись их дети и внуки, так похожие на родителей, что хивинцы сразу узнавали своих.

В этот день ни в одном саду не оказалось ни одного цветка, потому что еще утром их раздарили вернувшимся мастерам.

В этот день над Хивой стояло ароматное облако, потому что в каждом доме готовили угощение.

В этот день в Хиве навсегда был нарушен запрет произносить имя Махмуда-Пахлавана, и, несмотря на то что Махмуд не пришел с караваном, все говорили только о нем, о его подвигах, о его благородстве, уме и храбрости.

В этот день ни один мулла не решался проклинать Махмуда, потому что за оскорбление шубника толпа горожан поколотила палками десяток самых наглых соглядатаев и содрала чалму с одного упрямого ишана.

Шейх Сеид-Алаветдин и мулла Мухтар ничего не могли с этим поделать. Проклятый шубник совершил подвиг, с лихвой искупающий его прегрешения перед аллахом.

«Хорошо еще, что Махмуд не приехал с ними», — утешали себя шейх Сеид-Алаветдин и мулла Мухтар.

Судя по рассказам вернувшихся, Махмуд задер-

живался надолго. Одни говорили, что он должен отстроить разрушенный дворец, другие уверяли, что царица сделает его своим визирем, а третьи туманно намекали на своенравие царицы Ропой и считали, что Махмуд может и вовсе стать царем.

Это успокаивало муллу Мухтара. Он выведал, что Таджикихон любит Махмуда, и сумел дознаться о том, что за жернов лежит во дворе Насыр-ата. Он прочел надпись, высеченную на камне, и пригрозил, что накажет всю семью за дружбу с вероотступником. За неделю до возвращения мастеров мулла обложил штрафом семью, успел обобрать скорняка и заполучить у него расписку на десять тысяч золотых. Мулла знал, что в доме скорняка не наскрести и нескольких серебряных монет,— он хотел вынудить скорняка отдать за долги дочь. Слухи о том, что Махмуд может жениться на царице Роной, тоже были ему на руку. Как только закончились празднества по случаю встречи мастеров и те из них, что были родом из других городов Хорезма, разъехались, коварный мулла вновь пришел к старому скорняку. Он по-хозяйски уселся за скудным достарханом и объявил:

— Мы простили Махмуда, но твой долг все равно остается, ибо ты дружил с шубником, когда он еще не был прощен. Не упрячься! Отдай мне твою дочь: ведь Махмуд все равно не вернется.

Как ни старался несчастный отец уговорить муллу отказаться от женитьбы, как ни просил пощадить единственную дочь, тот был неумолим.

— Она сейчас очень больна,— сказал старик.— Неужели вы возьмете в дом больную? Разве вы сами не понимаете, как это опасно!

— Больна? — встревожился мулла.— Это плохо. Но я хочу сам убедиться в истинности твоих слов. Покажи мне ее.

Таджихон действительно очень страдала, но не от болезни, а от огорчения, что ее любимый Махмуд не вернулся, от слухов о его возможной женитьбе на царице и особенно от страха, что она сама может стать женой муллы Мухтара.

Мухтар поверил в болезнь. Девушка сильно исхудала, выглядела совсем слабой, под заплаканными глазами появились черные полукружья.

— Пусть она выздоровеет. Больная в моем доме не нужна. Даю последнюю отсрочку. Но, — пригрозил мулла, — если не выздоровеет, все равно заберу и подарю наместнику.

Сначала мулла раз в неделю посылал к скорняку спрашивать о здоровье дочери. Потом он узнавал два раза в неделю, а через месяц явился со стражей, предъявил расписку и потребовал выдачи девушки. Напрасно пытались смягчить сердце муллы. Не помогли ни слезы, ни мольбы. Таджихон связали, кинули, как мешок, на арбу и повезли. По кривой улочке следом за арбой, рыдая, бежали родственники и друзья, а сам Насыр-ата распластался посреди двора. На прощание стражник полоснул его камчой по лицу, и старик потерял сознание.

На другой день мулла Мухтар во всеуслышание заявил в Джума-мечети, что женится на Таджихон. Молящиеся встретили это сообщение неодобрительным гулом.

Кто-то осмелился выкрикнуть слова про воровство, про то, что нехорошо отнимать дочь у старика и невесту у героя, когда тот в отсутствии. Вести спор в мечети — богохульство, и мулла Мухтар попробовал прикрикнуть.

Лучше бы он не делал этого. Люди стали еще больше шуметь и выкрикивать обидные слова. Поднялось такое, чего еще не видели и не слышали стены

старинной мечети. Молящиеся перестали бить поклоны, в отдельных местах возникали споры, и никто не заметил, что какой-то человек в выгоревшем на солнце халате и запыленных сапогах протиснулся к мимбару¹.

Час назад Махмуд выпростал ногу из-под загнанной до смерти лошади и пешком вошел в городские ворота. Теперь Махмуд был самым несчастным человеком во всей Хиве. Первые же минуты в родном городе вместо радостных встреч принесли ему много горя. Его встретил заколоченный, опустевший дом с развалившимся от дождей дувалом, соседи рассказали о смерти матери, а в доме Насыра он узнал остальное.

Махмуд вошел в мечеть через дверь, выходящую в сторону его шубошвейной мастерской, и, тяжело прислонившись к резной деревянной колонне, вслушивался в шум голосов.

Мулла Мухтар уже пожалел о своих словах. Не стоило говорить в мечети о женитьбе. Теперь же приходилось изворачиваться, хитрить.

— О мусульмане! — закатив глаза, взывал он к негодующей толпе. — О мусульмане! Зачем такой шум? Вы знаете древний обычай — обычай, установленный аллахом. Я не украл себе невесту, а как благочестивый человек купил ее, вернее, взял за долги...

— Гнусный пес! — выдохнул Махмуд. Ему казалось, что он сказал это тихо, но хриплый от волнения голос услышали все; все стихло вокруг. — Гнусный пес! — гневным, сразу окрепшим голосом повторил Махмуд.

Все повернулись туда, где стоял человек в пыльной одежде путешественника. Мулла Мухтар вздрог-

---

¹ Мимбар — возвышение в мечети, с которого читают проповеди.

нул, лицо его стало землистым, узкие щелки глаз стали тоньше лезвия бритвы. Тишина в мечети была гнетущей и грозной. Мулла по-своему понял ее значение.

— Вот он, осквернитель святой мечети! Вот он, вероотступник! — завопил мулла.— Вот тот, за кого вы по темноте хотели заступиться. Смотрите на нечестивца, оскорбителя веры. Мы простили его, а он опять богохульствует, нарушает законы аллаха всемогущего...

Ему не дали закончить. В мечети поднялось невозможное волнение:

— Слава Махмуду-Пахлавану, освободившему наших братьев!

— Слава Махмуду — отцу всех богатырей мира!

Восторженные крики сотрясали своды мечети. Только кучка богачей, собравшись с духом, решила кричать другое:

— Пусть скажет шейх Сеид-Алаветдин!

Шейх стоял на коленях в высокой нише, где было его место. Он встал, и все увидели его перекошенное от страха лицо. Но много еще было темных людей, верящих в божью справедливость, и, когда Сеид-Алаветдин шагнул вперед и воздел к небу трясущиеся кривые руки, в мечети стало тише.

— Посмотрите на небо,— прогнусавил шейх.— Посмотрите на небо, о правоверные! Там царство аллаха милостивого, и все в его воле. Он подарил нам семь небес и пустил по ним солнце и звезды. Он насадил леса и провел реки, он дает нам все блага земные, и по его законам мы должны жить. Посмотрите на небо, о правоверные!

— Посмотрите на землю, друзья! — прервал его Махмуд.— При чем здесь аллах? Разве не мы копаем арыки и каналы, возводим плотины и даем воду

вспаханном нами полям, разве не мы сажаем сады и строим дома?! Разве не мы, простые люди, построили эту мечеть, разве аллах украсил резьбой эти древние колонны?!

— Посмотрите на небо! — вновь прогнусавил шейх Сеид-Алаветдин. — Оттуда высшая справедливость...

— Посмотрите на землю! — снова загредел голос Махмуда. — Посмотрите на землю — где справедливость? Разве нас не обирают богачи и муллы, разве не наш хлеб едят эти жирные кабаны?! Разве вам неизвестно, как мулла Мухтар уморил голодом мою несчастную мать?! Кто не знает, как этот старый шакал украл мою невесту и избил ее отца, доброго скорняка Насыра? Где справедливость, если мы трудимся и голодаем, а богачи и муллы бездельничают и обжираются? Где божья справедливость? — спрашиваю я.

— Нет справедливости! — глухо ответила толпа, и каждый стал говорить о своих несчастьях и обидах.

Людей в мечети было много, и все хотели поведать Махмуду о притеснениях, чинимых шейхом и муллами. Только богатые купцы и бай кучкой сбились у мимбара и помалкивали. Их-то аллах защищал хорошо.

В сутолоке и неразберихе шейх с муллой Мухтаром незаметно выбрались через боковой вход, а толпа все гудела и негодовала.

Наконец кто-то хватился виновников несчастий, и возмущенная толпа ринулась вдогонку. По дороге ко дворцу шейха толпа выросла в несколько раз.

Портные выскакивали из лавок с медными аршинами, повара хватали тяжелые половники, земледельцы бежали с кетменями, остальные вооружились кольями и камнями. В одно мгновение была сметена дворцовая стража, но дворец шейха оказался пуст,

как тыква, из которой выскребли мякоть. Сеид-Алаветдин напялил на себя женское платье, закрыл лицо чачваном и поспешил удрать. Только мулла Мухтар замешкался в кладовой. Его застали в тот самый момент, когда он, набив за пазуху скопленные деньги, пытался ускользнуть в окно. Мулла пятился задом, ногами вперед, и его живот застрял в узкой раме, ноги свесились, а халат задрался.

Били его с двух сторон — из комнаты и со двора. Никто не смог бы сосчитать, сколько синяков и шишек появилось на жирном теле муллы, но никто и не интересовался этим. Мухтара посадили на ишака задом наперед и выгнали из Хивы. По дороге он проклинал аллаха, всех святых, шейха и ишанов, а в промежутках между ругательствами выплевывал выбитые зубы. Потом, между прочим, говорили, что мулла опять стал проповедовать божью справедливость, стал где-то шейхом и нашел простаков, которые верили ему.

Долго не решался появиться в Хиве и Сеид-Алаветдин, а когда вернулся, то был тише воды и ниже травы.

При упоминании имени Махмуда шейх вздрагивал и начинал молиться с такой быстротой и так неразборчиво, будто у него вместо языка во рту была привязана живая мышь на веревочке.

Пышной и торжественной была свадьба Махмуда и Таджихон. На нее приехали тысячи людей со всего Хорезма, и весь город веселился на улицах и на площадях. В разгар праздника на базарной площади устроили состязание борцов и канатоходцев, и Махмуд показывал свое искусство, а потом взял Таджихон на руки и прошел с ней по канату, натянутому

*Мухтара посадили на ишака задом наперед
и выгнали из Хивы.*

между двумя высокими минаретами. Таджикион было немножко страшно, она закрывала глаза и прижималась к Махмуду, но все видели, как счастливо она улыбается.

В этот день в Хиве никто уже не сомневался в том, кто спас узников шейха Сеида-Алаветдина от голодной смерти, кто приносил им еду. Когда Махмуд и Таджикион сошли на площадь, толпа окружила их и старики сказали:

— Тебя знают на всем Востоке. Тебя зовут Махмуд-непобедимый, Махмуд-поэт, Махмуд — отец богатырей. Отныне мы будем звать тебя еще и Махмуд-канатоходец.

А Махмуд, вежливо поклонившись старикам, поблагодарил их и ответил так, как не раз уже отвечал раньше:

— Зовите меня как хотите. Народ лучше знает, какое имя найти для каждого человека, но не нужно забывать, что я к тому же и Махмуд-скорняк, Махмуд-шубник.

Вместе с молодой женой Махмуд поселился в своем доме. Переехал туда и старый скорняк Насыр-ата, а Юсуп перестал скитаться по базару и стал учеником шубника. Жили они все вместе, одной семьей.

Не было отбоя от заказчиков, желающих ходить в шубах, сшитых у Махмуда, да не было и шуб лучше тех, что шил Махмуд. Каждый вечер во дворе под карагачем собирались люди, чтобы послушать стихи Махмуда и его рассказы о дальних странах, приходили за советом в самых разнообразных делах.

Махмуд для каждого находил доброе слово и каждому был рад помочь. Таджикион угощала гостей пловом и чебуреками, дынями и персиками. Юсуп разносил зеленый чай и внимательно прислушивался к разговорам взрослых.

Однажды к Махмуду пришел какой-то молодой человек и сказал:

— Я много слышал о ваших знаниях и мудрости и хочу просить совета. Мне двадцать три года, но я не знаю, как мне следует жить: что делать и чего избегать, что говорить и о чем молчать. Я прочитал много толстых книг, но ни в одной не нашел прямого и ясного ответа.

— А кто вы? Пастух, земледелец или ремесленник? — заботливо спросил Махмуд.

— Нет,— ответил гость.— Я сын богатого бая. Я ничего не делаю, а только думаю, чем бы мне заняться.

Махмуд внимательно посмотрел на него, помолчал и убежденно сказал:

— Хорошо. Я дам вам только один совет, какого не давал никому. Следуйте ему и будьте спокойны. Никогда не ешьте мясо трехцветной козы. Это для вас самое главное.

Гость ушел довольный, а Юсуп спросил:

— Дядя Махмуд, я понимаю почти все, что вы говорите. Вы подробно рассказываете людям, как и где лучше копать арыки и каналы для орошения полей. Вы объясняете, что нужно делать, чтобы уберечь скот от падежа, а садовые деревья от болезней, но этот совет мне непонятен.

— Видишь ли,— сказал Махмуд,— этому здоровому бездельнику идет уже третий десяток. Если он до сих пор ничего полезного не делал и ничего не хотел делать, то и впредь от него никакого толку не будет. Вот я и сказал ему: «Не ешьте мясо трехцветной козы». Теперь он, по крайней мере, знает, чего ему не делать. Видал, какой он довольный пошел? Большого этот бездельник не заслуживает. Дело нужно выбирать себе с детства. Вот ты, например, уже научился

метать петли и пришивать карманы, тебя можно послать за нитками, и ты не принесешь гнилых... Да, скажи-ка мне, что нового ты узнал в городе и на базаре?

— Большие новости! — Юсуп обрадовался вопросу; ему показалось, что он может рассказать много интересного. — Из Золотой Орды пришел караван с дорогими мехами, а из Персии — с шелковыми тканями. На базар приехал китайский фокусник. У него такая круглая шапка, он вынимает из нее всякие ленты, платки и даже живую курицу.

— Ну, а что ты узнал сегодня из книги Абу-Рейхан аль-Бируни?

— Там нет больших новостей. Там написано только, что Земля и другие звезды кружатся вокруг Солнца. Я еще не читал дальше, но, кроме этого, пока ничего не узнал.

— Что же, — спокойно заметил Махмуд, — самую большую новость ты узнал именно из этой книги. Новое никогда не бывает большим, и не каждый его сразу замечает. Зоркий человек видит верблюда в пустыне, когда он еще меньше мухи. Потом верблюд приближается и становится с собаку, а потом он становится большим, как верблюд. Но это уже не новость. Это просто верблюд. Когда-нибудь люди, возможно, побывают на дальних звездах, и это случится потому, что они будут хорошо знать ту маленькую новость, которую ты узнал из книги великого Бируни. Я не зря дал тебе ее читать. Ты должен учиться.

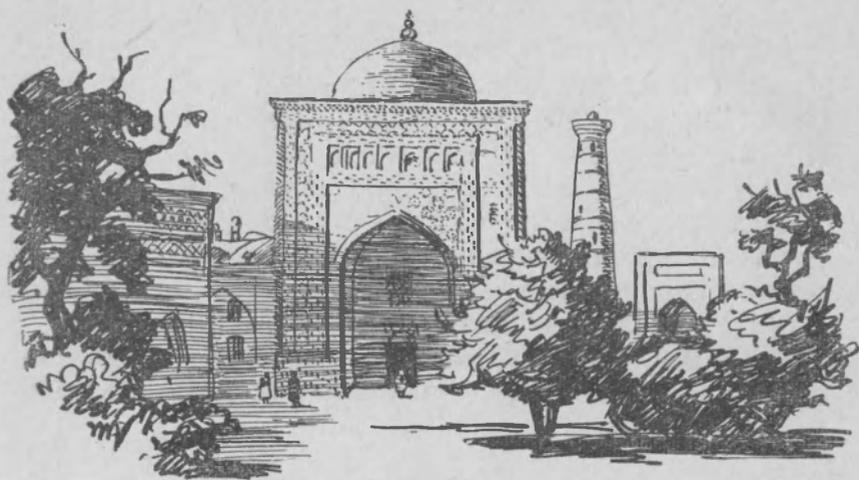
— Это трудно, — пожаловался Юсуп. — В книгах много непонятного.

— Правильно, — сказал Махмуд. — Учиться нелегко. Кое-кто даже и не представляет, как это трудно. Ведь ученье отличается от всякой другой работы.

Можно попросить, чтобы за тебя принесли дрова для очага, нарвали яблок или даже выкопали колодец. Но никого нельзя просить, чтобы за тебя выучили стихотворение или прочитали умную книгу, потому что стихотворение будешь знать не ты, а другой, и мысли мудреца останутся тебе неизвестны. Учиться ремеслу тоже нелегко, но ты — молодец! Завтра я научу тебя пришивать воротник. Ты не жалеешь, что выбрал скорняжное ремесло?

— Не жалею,— сказал Юсуп.— Мне нравится.

— Мне тоже,— улыбнулся Махмуд.— Ведь самое главное, по-моему,— это чтобы людям было тепло оттого, что ты живешь на свете.

МАВЗОЛЕЙ ГЕРОЯ

Прекрасно слово, ибо в слове
оставит память человек.

Синдбад-наме

Махмуд-Пахлаван прожил почти восемьдесят лет и умер в 1326 году. Шли годы, десятилетия и века, а молва и легенды о нем все шире распространялись в народе; память об отважном скорняке и веселом острослове жила в сердцах многих поколений простых тружеников Хорезма, Туркменистана и Кара-Калпакии.

Пятьсот с лишним лет прошло с тех пор, как умер Махмуд-Пахлаван. Много мутной воды утекло в Аму-Дарье, не раз меняла она свое русло, уходила от одних селений, наступала на другие. Орды хромоногого Тамерлана прошли по Хорезму, не раз соверша-

ли разбойные набеги на эту древнюю землю ее соседи с юго-востока, с юга и с юго-запада, но люди вновь отстраивали свои разрушенные жилища, возделывали вытопанные поля, строили новые каналы и дамбы...

Мало изменилось в Хорезме за пятьсот лет: все так же за кусок черствой лепешки трудился простой народ, все так же обманывали его имамы и муллы. Правда, вместо монгольского наместника правил здесь Алакула-хан, но у простых людей, у ремесленников и земледельцев, животы были все так же подтянуты, а спины болели от палочных ударов.

Мало изменилось в Хиве за пятьсот лет. Все так же смотрели на небо наивные бедняки в надежде, что бог установит справедливость на земле. Правда, все меньше становилось таких людей.

Многие поняли совет Махмуда чаще смотреть не на небо, а на землю.

Прошло пятьсот лет. Колумб открыл Америку, Ньютон — закон всемирного тяготения. Шекспир написал свои пьесы и сонеты. Во Франции произошла революция, в России — восстание декабристов. Пушкин заканчивал работу над повестью «Капитанская дочка». Глинка писал оперу «Иван Сусанин», а в Хиве...

Шумит хивинский базар. Съехались сюда степные скотоводы, рыбаки с Аму-Дарьи и даже с Аральского моря, приехали ремесленники из городов Хозараспа и Ургенча, собрались купцы со всего Хорезма.

Скоро вечер; нужно успеть продать то, что за неделю добыл, а то до следующей пятницы — базарного дня — долгая неделя. Купцы торопятся продать: как бы цены не упали. Бедняки торопятся: не продашь сегодня плоды своих трудов — завтра семье есть нечего.

Рядами сидят на земле торговцы овощами и фруктами, отгоняют тощих ос от персиков и винограда, подбрасывают на жестких ладонях звонкие арбузы и нежно поглаживают шероховатую поверхность длинных дынь.

Продавцы пряностей сидят неподвижно. Это всё больше старые, почтенные люди. Их товар дорог и на любителя. Перец изогнул скорченные красные пальцы, душистые травы лежат рядом с чесноком, а чеснок — рядом со свежими розами.

В соседнем ряду торгуют шорники. Они так стараются продать свои седла и уздечки, так высоко поднимают свой товар над толпой, что, того гляди, окажешься оседланным и взнузданным.

— Халаты, халаты! — кричат портные.

— Сапоги и башмаки! — умоляют покупателей в сапожном ряду.

Продавцы лепешек не сидят на месте. Они ходят в густой базарной сутолоке, несут свой товар на голове и уговаривают покупателей тихо и вкрадчиво:

— Купите, почтенный. Очень вкусные, очень свежие. Сам кушбеги, министр хана, хвалил, — говорит один.

А другой лепешечник, откровеннее характером, правду говорит:

— Купите, добрый человек. Хорошая была мука. Ловкая пекла рука. Сам бы ел, да дети голодные. Купите, добрый человек!

Каждый торгует тем, что имеет. Богатый — награбленным, бедняк — заработанным, вор — украденным, а нищие калеки — своим уродством. Все громко кричат, а нищие громче всех:

— Подайте калеке, слепому, безногому! Подайте — и заслужите милости аллаха всемогущего!

Ходят по базару стражники. Смело ходят. Лепеш-

ку возьмут, спасибо не скажут. Подойдут к продавцу плова, подхватят на лепешку прозрачного от жира риса, мясо грязными пальцами выберут и дальше пойдут. Никто стражнику не возразит, никто заплачивать не заставит. Власть!..

Ходят по базару толстые муллы и жиреющие ученики духовных училищ. Простачков ищут. Нажрутся, благословят хозяина и дальше пойдут. Святые!..

В ханском дворце в базарный день тихо. Идет тайное совещание. В главной зале сидят трое: Алакула-хан, главный министр — кушбеги — и главный мулла.

Алакула сидел на троне и, подтянув левую пятку к животу, задумчиво скреб ее ногтями. Хан был глуп, но, как все глупые люди, думал, что он очень умен. Дела в ханстве шли плохо, но говорить об этом прямо он боялся, поэтому речь свою начал так:

— Слава аллаху, мы сегодня на судьбу нашу жаловаться не можем. Правда, в последнее время наши набегии не удаются, зато мы многому учимся. Так, в последний раз напали мы на горцев, что живут на юге. Повел я туда десять тысяч отборных воинов, а вернулся с двумя сотнями. Зато мы научились быстро бегать. Правда, вместо добычи мы привезли холеру, от которой умерло остальное войско и много наших подданных. Но только глупый человек (а хан, как известно, считал себя умным) может подумать, что это плохо. С одной стороны, это, конечно, так. Зато, если посмотреть с другой стороны, то у нас стало меньше смутьянов.— Хан самодовольно улыбнулся.— Но мы не должны сидеть сложа руки,— сказал он главному мулле и министру.

Оба советника как раз так и сидели. Они по-своему поняли хана. Мулла схватился за бороду, а ми-

нистр, у которого борода не росла, стал ковырять в ухе.

— Мы не должны сидеть сложа руки,— повторил хан.— Мы должны подумать, как смуту задуть, где ее причина.

— Это от безверия все,— сказал мулла. Он лет двадцать говорил одно и то же и считал, что так спокойней.— Аллаха забыли. Раньше лучше было. Монголы на что неверный народ, а духовенству почет оказывали. Живым муллам гробницы строили, не говоря о домах. Почет был. А теперь... Вай, как нехорошо! Теперь в святость никто не верит. Раньше люди всё с именем аллаха делали, а теперь не то. Мы им про аллаха, а они все Махмуда-Пахлавана поминают. Степные разбойники на ханский караван напали — что кричали? «Махмуд-Пахлаван!» — кричали. Канал от Аму-Дарьи копали. Как называли? В честь хана называли? В честь аллаха называли? Нет. Опять в честь Махмуда называли. Ваш отец, мудрый Мухаммед-Рахим, правильно придумал: объявить безбожника Махмуда святым. Гробницу ему начали строить на том месте, где его скорняжная мастерская была. Где гробница? Недостроена. Надо, надо Махмуда святым объявить... Аллах и все святые всегда за хана стояли. Если мы у смутьянов Махмуда отберем, что они кричать будут? Где опоры найдут?

Алакула-хан задумался. Нехорошо с Махмудом получается. Торопиться надо, строителей припугнуть, пригрозить. Одного-двух на кол посадить для острастки.

Забеспокоился хан. Может, потому, что в год курицы¹ на престол сел. Вот и живет, как курица, в страхе. Того гляди, зарежут.

¹ У мусульман каждый год имеет название какого-либо животного. Есть год собаки, кошки, лягушки; есть и год курицы.

Министр — кушбеги — раньше шутком у хана был. За глупость выдвинулся. Давно замечено, что глупый человек умных советников терпеть не может. Еще одна заслуга у кушбеги перед ханом была. Выучился он у одного купца водку пить и добросовестно этому делу хана обучал. Молчит кушбеги, ничего придумать не может, смотрит на хана, думает: «А ведь хан действительно на курицу похож. Доносчики говорят, что на базаре его «курицыным сыном» зовут. Курицын сын — цыпленок. Хи-хи. Из такого цыпленка плов не сделаешь, тухлый плов получится».

— Ты чего? — неожиданно грозно спросил хан.

Кушбеги вздрогнул:

— Думаю, скорей надо гробницу кончать. Объявим Махмуда святым, сочиним про него небылицы, будто бы он хана любил и аллаха боялся. Тогда, может быть, народ позабудет, что он был богохульником и смутьяном.

— Хорошо бы, позабыл... — вздохнул хан и спросил: — А про подати что думаешь?

— Подати палками выколачивать надо. Ваш отец шестьдесят два налога собирал. Вы, о мудрый из мудрых, орлу подобный, еще десять выдумали. Я думаю, надо еще один добавить.

— Какой еще можно? — обрадовался хан. — Думай скорей. Халат подарю.

— Думаю, о великий, думаю. За бога берем, за хана берем, за небо берем, за землю берем, за хлеб берем, за жизнь берем, за смерть берем, за дрова берем, за огонь берем...

— Глупец ты, — обрадовался хан. — Ничего сам придумать не можешь. За огонь берем? А огонь без дыма не бывает. Надо за дым брать. Завтра пусть так и объявят: вводим мы налог на дым... Глупые вы, — сказал хан, отпуская советников. — Не знаете, как

государственную казну приумножить. Теперь сразу дела поправятся. Как увидят сборщики податей дым, так сразу пусть и скачут. Где дым, там еда варится. Ну, а где еда, там и отнять можно.

Хотел было главный мулла рассказать хану, что в народе давно уже вспоминают слова Махмуда-Пахлавана о том, что правитель, пополняющий свою казну имуществом подданных, похож на глупца, который мажет крышу своего дома глиной, взятой из-под фундамента, но промолчал. Слово-то серебро, а молчание золото. Ведь и ему из нового налога перепадет.

Отпустил Алакула-хан советников. Пошли они по двору, уже к воротам подошли, да вспомнил хан, что не все еще сказал, выбежал на галерею и крикнул им вдогонку:

— Эй, вы, не забудьте этого безбожника святым сделать! Пусть все муллы об этом говорят, а кушбеги за постройкой гробницы следит.

...Уже закончили кладку стен, купол высокий выстроили. Решили отделать двери резьбой и слоновой костью, украсить своды самыми что ни на есть красивыми изразцами.

Только один человек в Хиве мог сделать такие изразцы, каких ни в Багдаде, ни в Дели, ни в Тегеране, ни в Самарканде не было. Звали мастера Абдулла. Так его по закону звали, а народ звал его иначе; так звал, что поручать ему украшение святого места было неудобно. Джинном его хивинцы звали, а Джинн — это по-узбекски то же, что по-русски черт или, вернее, дьявол. Одни говорили, что имя ему за ловкость в работе дали, другие утверждали, будто за озорной нрав ему такая кличка досталась. Подумал хан, подумал кушбеги, доверить ли Джинну святую усыпальницу. Ну, да делать нечего — доверили. Не было другого такого искусного мастера.

Взял мастер Абдулла себе помощников, начал изразцы готовить. Изразцы поливные, синие, с разноцветными узорами полевых цветов и степных трав. Гордился мастер своим искусством. На самом видном месте укрепил изразец с надписью: «Пусть краски этих узоров служат образцами для весны!» Стареется мастер ради Махмуда-Пахлавана.

Приехал как-то министр — кушбеги. Ходит, посматривает, вроде понимает чего. Пыхтит, отдувается. Только что отобедал. Переел немного.

— Вот что,— сказал кушбеги.— Решил великий и мудрый наш хан в этой усыпальнице всех ханов похоронить.

Опешил мастер. Не ожидал такого подвоха.

— Это как же так? Ведь Махмуд простым человеком был. Как же ему рядом с ханом лежать? Нехорошо ему будет, неприятно.

— Шубнику неприятно? — с угрозой спросил министр и замахнулся плетью.— В темницу захотел, нечестивец! Сказано: всех ханов хоронить будем здесь!

Бесполезно спорить с сильным. Горько усмехнулся мастер.

— Ладно,— говорит,— только, чтобы Махмуду приятно было, надо бы всех ханов сразу похоронить. Это бы еще ничего.

Засмеялись мастера, а министр не понял.

— Глупый ты человек, темный,— презрительно сказал он.— Как же это можно — всех сразу? Ведь умирают ханы не сразу, а по очереди.

— Лучше бы, конечно, сразу,— проворчал мастер Абдулла, и в черных глазах сверкнул огонь, за который, может быть, его и прозвали Джинном.— По очереди, значит. Ладно.

То ли не слышал министр этих слов, то ли сделал вид, что не слышит, а вернее всего, не понял.

— А украшать святыми стихами будете?

— Как же! — ответил мастер. — Обязательно. У Махмуда-Пахлавана триста тридцать стихов. Уж мы выберем. Вот, например, очень хороший стих. Посмотрите, о любимец великого хана.

Джинн знал, что министр был ленив и малограмотен, и потому без опаски раскрыл страницу, где было тщательно выписано следующее стихотворение:

Сто гор кавказских истолочь пестом,
Сто лет в тюрьме томиться под замком,
Окрасить кровью сердца небо легче,
Чем провести мгновение с глупцом.

— Так, — сказал министр, хотя не успел прочесть и половину первой строчки. — А еще что?

— Можно и еще, — сказал Джинн и перевернул страницу:

Зимой костер — нужнее алых роз,
Зимой кошма — нежнее шелка кос.
Но человек плохой всегда страшнее,
Чем самый злой и самый страшный пес!

— Святой был человек, — заметил ханский министр, не разобрав и двух слов. — Мы его верным слугой аллаха объявили. Теперь нам ничего не страшно.

Мастер Абдулла опять перевернул несколько страниц:

Пусть трус усердно золото чернит,
Он в медь его вовек не обратит.
Псу — всякий трус, реке — герой подобен,
А где тот пес, что реку осквернит?..

— Да, — сказал министр, торопясь уйти во дворец, чтобы соснуть после трудов часок-другой. — Святой был человек. Очень он мулл любил.

— Конечно,— подтвердил мастер и опять перевернул страницу:

Пускай не говорят, что в Мекку путь святой.
Мулла драконом стал, а раньше был змеей.
Уж если ты пошел аллаху помолиться,
Старайся не вставать поблизости с муллой.

Давно уже нет в Хиве хана, нет кушбеги, нет страшных подземных темниц, нет нищих земледельцев и ремесленников. Хороший город Хива! Счастливые там живут люди!

Когда вы приедете в Хиву, вам расскажут еще много историй, связанных с именем Махмуда, и, уж конечно, покажут вам замечательное творение старых мастеров — гробницу Махмуда-Пахлавана, на сводах которой искусно выписаны многие из стихов простого шубника, замечательного борца и свободолюбивого поэта. Там теперь государственный музей. Вы можете прочесть и стихи Махмуда, если знаете язык фарси, на котором они написаны.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Поедем в Хиву	3
Дорогая книга	7
Враг веры	17
Буду искать	35
Забывтый повелитель	44
Бухара	58
Зузен	66
Тегеранские богатыри	77
Кошка с мышью, кошка — тигр! Кошка с тигром, кошка — мышь!	94
Письмо, которое не стоило писать	108
Домой!	116
Возвращение	121
Мавзолей героя	134

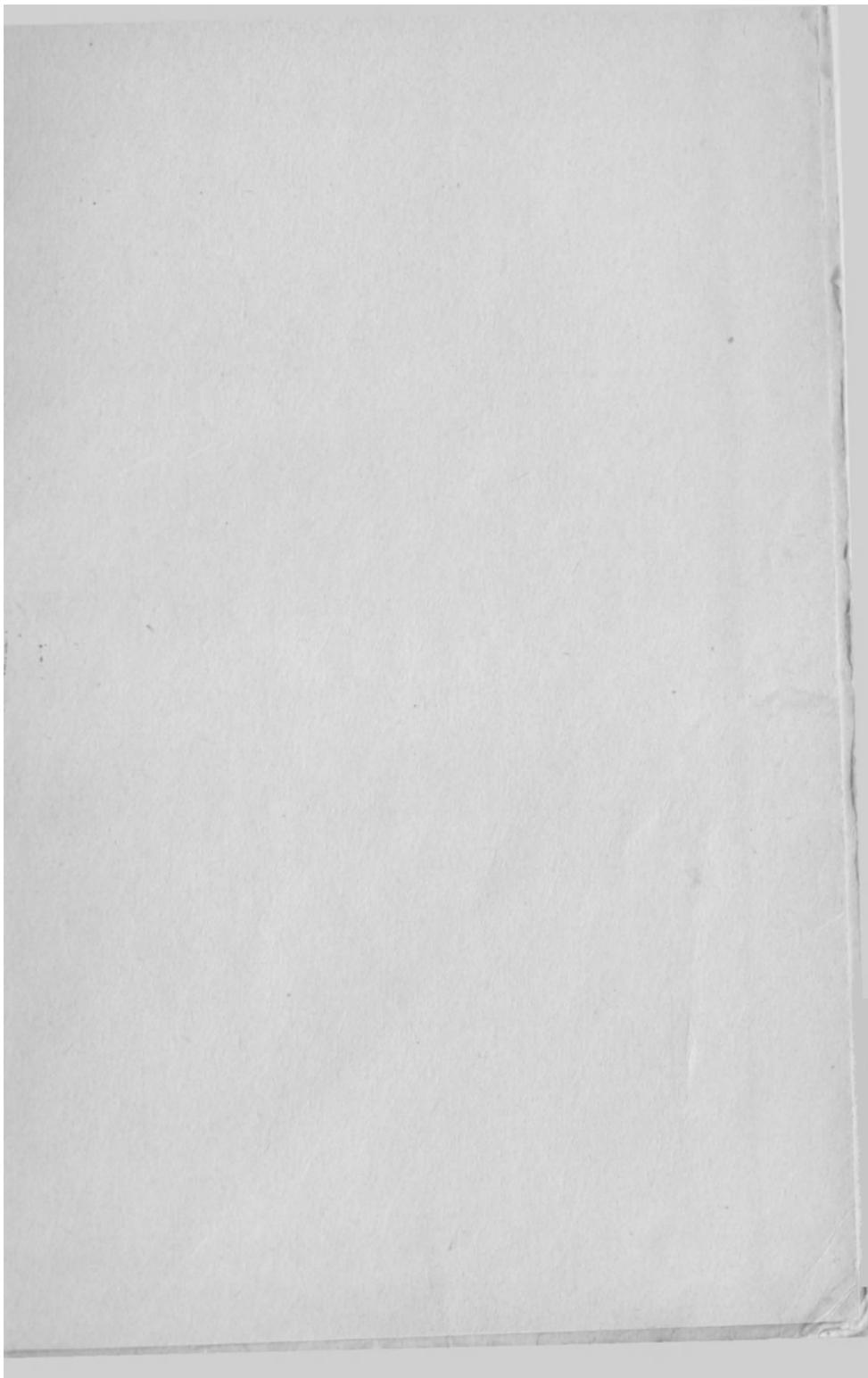
Д л я   в о с ь м и л е т н е й   ш к о л ы

Икрамов Камил Акмалевич

ШАХМУД-КАНАТОХОДЕЦ

П о в е с т ь

Ответственный редактор А. М. Соломонов. Консультант по художественному оформлению П. И. Суворов. Художественный редактор В. А. Горячева. Технические редакторы Г. А. Подольная и И. П. Савенкова. Корректоры В. К. Мирингоф и Г. В. Русакова. Сдано в набор 29/XII 1965 г. Подписано к печати 25/II 1966 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,16. Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 386. Цена 28 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 3477.

Цена ~~28~~ коп.